

Breuer, Stefan: *Ausgänge des Konservatismus in Deutschland*. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft Academic, 2021. – 430 S. – ISBN 978-3-534-27307-2

Бройер, Штефан: *Конец консерватизма в Германии*. – Darmstadt: научное книжное общество Академик, 2021. – 430 с. – ISBN 978-3-534-27307-2

Рецензент / Rezensent:

Сергей Артамошин / Sergej Artamoshin

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00056>

Книга известного германского историка Штефана Бройера, специалиста по интеллектуальной истории немецкой консервативной и праворадикальной мысли первой половины XX в. во многом продолжает комплекс его исследований, начатых с 1993 г. Представленная монография, как и ряд предшествующих его работ, предметно расширяют сферу изучения правой политической мысли Германии конца XIX – первой половины XX века. Данное исследование можно рассматривать как анализ классического германского консерватизма XIX века и его элементов в политической и интеллектуальной мысли германского общества.

Ш. Бройер приводит тезис Томаса Манна, высказанный им в эмиграции в 1945 г. о том, что развитие германского консерватизма носило в XX веке фатальный характер, и как было отмечено им в романе «Доктор Фаустус», в интеллектуальных исканиях консерваторов проступало нечто дьявольское. Запущенный им тезис о дьявольской природе германского консерватизма оказался очень живуч. Так, в 1982 г. его повторил известный германский левый философ Юрген Хабермас, увидев в консерватизме наличие дьявольского окружения. В конечном счете, считает автор, это привело к объединению в понятии консерватизм теорий консерватизма и правоэкстремизма. Истоки этой позиции связаны с утверждением, что трансформация Немецкой национальной народной партии в 1928 г. в связи с приходом в руководство А. Гугенберга окончательно соединило консерватизм и радикальный национализм (S. 7-8).

Исследователь обращает внимание на две теоретические концепции консерватизма, сформулированные К. Манхеймом и П. Кондилисом, склоняясь к позиции последнего, полагая, что консервативные идеи имели связь с определенной исторической и социальной формой и с конкретным социальным слоем – дворянством. Консерватизм выступал как реакция, что позволяет структурировать его как антиабсолютистский консерватизм, контрреволюционный консерватизм и антиинтеллектуализм, направленный против рационализма Нового времени. П. Кондилис высказывал тезис, близкий Ш. Бройеру, о том, что консервативная идея представлял собой историю дворянства, с падением которого и закончился консерватизм (S. 23-26). Ш. Бройер считал, что консерватизм представлял собой не политический блок, а арену, на которой действуют различные организации, отстаивающие свои интересы. Применительно к Германии автор полагал, что с образованием кайзеровской империи произошло объединение либерализма и консерватизма и формирование «национал-консервативного течения». Затем через формирование социал-консервативных взглядов проходил путь к определению «государственного социализма». Поэтому консерватизм есть «не историческое или антропологическое понятие, а конкретно историческое», характерное для определенной эпохи и с ней заканчивающееся (S. 28-29).

Содержательную часть исследования Ш. Бройер строит на основе анализа политической коммуникации и интеллектуальных концепций конкретных мыслителей и

публицистов. Автор рассматривал либеральный консерватизм Ф. Ю. Шталя как форму реформаторского консерватизма. Отмечая, что в годы революции 1848 г. произошло объединение консервативных сил, которые видели в ней деятельность «партий революции» – либерализма, демократии и социалистического движения, исследователь подчеркивал стремление Ф.Ю. Шталя представить консерватизм как альтернативу и противоположность революционным партиям. Аристократия как основа государственной элиты воплощала в себе «феодальный легитимизм», поэтому «консервативная фракция» выступала как «партия легитимности». Сам монархический принцип служил отражением институционального характера государства (S. 39-43, 46).

Вариативность развития германского консерватизма прослеживается в комплексе взглядов Германа Вагенерса, в котором автор усматривал предвестника социальной политики. Протеже А. фон Герлаха, он выдвинул альтернативное ему и Ф. Ю. Шталю консервативное видение современности. Его политическая публицистика в «*Kreuzzeitung*» является подтверждением тезиса о взаимосвязи политических идей и актуальной проблематики, инструментализации консерватизма. Автор отмечал, что его политическая социализация как консерватора приходится на период борьбы с либеральными партиями. Начиная с 1862 г. Г. Вагенерс рассматривал О. фон Бисмарка как политического партнера, и выступал за создание системы социальной безопасности и социальные реформы (S. 78-80). Его сотрудник, Рудольф Майер, назывался Ш. Бройером «последним консервативным писателем», выступавшим за реформистский консерватизм, совершившим путь от консервативной к социалистической публицистике, завершившийся сотрудничеством с «*Neue Zeit*». Автор отмечал, что проявление Р. Майером интереса к решению рабочего вопроса было следствием снижения роли юнкеров в общественной жизни Германии, и его лассальянские взгляды ставили журналиста между Бисмарком и национал-либералами. Его позиция была направлена на снижение социальной напряженности и социального расслоения общества как предпосылки классовой борьбы, поэтому он был сторонником социализации рабочих и проведения комплекса социальных реформ (S. 85-87). Ш. Бройер резонно полагал, что обсуждение социальных вопросов было отражением современных тенденций и осуществлялось в рамках реформистских дискуссий 1890-х гг. Концепция «эмансипации четвертого сословия» Р. Майера была программой государственного социализма, вариант христианского социализма нашел же свое отражение во взглядах А. Вагнера, Р. Тодта и А. Штёкера (S. 104-108). Ш. Бройер отмечал, что во взглядах А. Штёкера включается антисемитский компонент, интерпретирующий евреев как «народа в народе, и государство в государстве» (S. 131).

Окружение Р. и К. Вагнера представило двух ярких личностей германского консерватизма второй половины XIX века – К. Франца и П. де Лагарда. Наравне с антисемитскими взглядами, которые имели в себе религиозную природу, автор отмечает концептуализацию ими идеи рейха как божественного рейха, лежащего в сердце немца (S. 141, 159). П. де Лагард воспринимался Ш. Бройером как основатель «радикального консерватизма», в котором радикализующим элементом выступал антисемитизм. Это справедливо не только в качестве влияния его идей на немецких радикалов, но фрагментарному присутствию их в представлениях нацистского идеолога А. Розенберга. Вместе с радикальным консерватизмом историк рассматривает большое влияние, которое было оказано книгой Ю. Лангбена на движение фёлькише в Германии. Ориентация Ю. Лангбена на проблемы искусства и эстетики позволяет квалифицировать его представления как «эстетический фундаментализм» (S. 182-183).

Степень насыщенности анализа германского консерватизма XIX века сменяется его партийным рассмотрением в годы Веймарской республики, как будто русло консервативной реки сужается до маленького идейного ручейка. Рассматривая веймарский консерватизм, Ш. Бройер придерживается позиции его атомизированного характера, высказанной им еще в 1993 г. в своей известной книге «Анатомия консервативной революции». Это приводит к тому, что веймарский консерватизм рассматривается им

вокруг деятельности политических объединений – от Немецкой национальной народной партии до «Июньского клуба» и «Клуба господ». Следует отметить, что автор, на наш взгляд, упускает из внимания то, что генерирование консервативных взглядов в годы Веймарской республики, которые принято определять как консервативную революцию, происходило не в недрах консервативных объединений, ориентированных на политическую деятельность в рамках политической системы республики, а вокруг политических журналов, нацеленных на критику республиканской системы и не стремящихся к активному политическому участию. Следует отметить, что Ш. Бройер вообще, в данной работе, избегает употребления термина консервативная революция, также купирова анализ ее подходов, хотя бы с чисто практической стороны, чтобы показать возможное затухание идей. На наш взгляд, это смазывает аналитическую картину развития германского консерватизма, предлагаемую автором, и читатель убеждается из текста, что ничего достойного внимания в Веймарской республике высказано не было. Таким образом, Ш. Бройер осознанно оставляет за бортом яркую плеяду консервативных политических интеллектуалов Веймарской республики, которым он посвятил свою книгу 1993 г.

Обстоятельное исследование Ш. Бройера заставляет задуматься о тенденциях развития германского консерватизма в XIX – первой трети XX века, которые предлагали консервативный проект модернизации германского государства и особенностях его политической судьбы.

Höfele, Andreas: Carl Schmitt und die Literatur. – Berlin: Duncker u. Humblot, 2022. – 523 S. – ISBN – 978-3-428-18608-2

Хёфеле, Андреас: Карл Шмитт и литература. – Берлин: Дункер и Хумблот, 2022. – 523 с. – ISBN – 978-3-428-18608-2

Рецензент / Rezensent:

Сергей Артамошин / Sergej Artamoshin

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00050>

Интерес к творческому наследию германского консервативного мыслителя и правоведа Карла Шмитта в мировой гуманитарной науке огромен. Это связано с различными причинами, побуждающими обращаться к его творчеству, связанными как с политической позицией мыслителя, так и с его карьерной деятельностью в годы нацистской диктатуры. Все это привело к появлению сотен работ, в которых рассматриваются проблемы его политических взглядов. Однако исследование А. Хёфеле разительно выделяется на фоне многочисленной историографии творческого наследия Карла Шмитта тем, что автор в основу своего изучения поставил проблемы взаимосвязи и взаимодействия, а также личные отношения К. Шмитта с германскими писателями, и влияние литературы на политические взгляды немецкого консерватора. Подобный аспект в исследовательской литературе поднимался нечасто, однако А. Хёфеле системно подошел к данному вопросу, сочетая личные контакты с литературным влиянием и интересом К. Шмитта к литературной критике. Профессиональный литературоведческий подход А. Хёфеле, члена Баварской и Гейдельбергской Академии наук, с 2002 по 2011 г. занимавшего пост президента Немецкого общества Шекспира, позволил вписать литературную критику К. Шмитта в сферу его политического и правового творчества.

Автор отмечает, что он не фокусирует внимание на исследовании ранних литературных опытов К. Шмитта, которые в основной своей массе носили дилетантский характер. Цель исследования выступает изучение интеллектуального и личного пространства К. Шмитта, оказывавшего глубокое влияние на его духовный мир и подталкивавшего к осмыслению политических проблем современности. Таким образом, предметом исследования выступает «пространство мысли» Карла Шмитта (S. 12). Автор выделяет 4 модальности, формирующие сферу его взаимодействия с литературой: 1) его личное знакомство с различными писателями и поэтами, которое отражено в переписке и дневниках; 2) его желание писать о литературе и следить за литературными тенденциями; 3) он является автором некоторых литературных текстов; 4) его творчество находилось под воздействием образов, воспринятых из литературных произведений, нашедших подчас прямое отражение в его политических сочинениях (S. 15). Вместе с тем судьба К. Шмитта представляла собой судьбу германского государства от кайзеровской империи до боннской республики.

Рассматривая взаимосвязь К. Шмитта с литературой, автор справедливо указывал на тот факт, что интерес к ней проснулся у него еще в юности, когда в 1907 г. он оказался перед выбором, на каком факультете обучаться, и под воздействием дяди выбрал юридический факультет. Но даже круг его студенческого общения состоял из юристов и филологов. Интересным наблюдением автора является то, что К. Шмитт избежал воздействия культа Гёте, сместившись в сторону Гёльдерлина, в котором он усмотрел связь с последующим интересом к современной поэзии круга «Тайной Германии» Ш. Георга и поэзией М. Р. Рильке. А. Хёфеле полагал, что это противопоставление не носило

агрессивного характера, а было более нейтральным, причем интерес к Ш. Георге К. Шмитт сохранил на протяжении всей жизни (S. 21-22).

Конечно, затрагивая влияние литературы на формирование представлений К. Шмитта, автор концентрирует внимание на фигуре Теодора Дёблера как поэта нордического. Обращение внимания к этой персоне оправдано, прежде всего, тем, что сам К. Шмитт часто писал о поэте и постоянно подчеркивал свой интерес к нему. А. Хёфеле аргументировано указывал на то, что многие аспекты интеллектуального творчества К. Шмитта содержат в себе черты влияния Т. Дёблера, в частности, утверждение поэта о том, что «враг есть наш собственный вопрос как гештальт» напрямую нашел отражение в «Понятии политического» К. Шмитта, так же как критика политического романтизма черпала свои истоки в представлениях Т. Дёблина (S. 13, 59). Исследователь считал, что в Т. Дёблине К. Шмитт нашел мыслителя, противопоставлявшего себя буржуазно-либеральному модерну (S. 67). Вместе с тем нам представляется, что сводить антилиберальный дискурс К. Шмитта к воздействию поэзии Т. Дёблера было бы определенным упрощением, которое не учитывало политического контекста Веймарской республики, который, на наш взгляд, оказал большее воздействие, чем интеллектуальные параллели. А. Хёфеле справедливо указывал на то, что критика либерализма во многом основывается у К. Шмитта на католическом мировоззрении, поэтому, как обратил внимание на это Р. Козеллек, размышления не о диктатуре составляли суть его негативной утопии, а о тоталитарном либерализме (S. 98). Положения католической контрреволюции Х. Доносо Кортеса и шмиттовские «Понятия и позиции в борьбе против Версаля – Женева – Веймара» противопоставлялись романтическому субъективизму, индивидуализму либеральных интересов и позитивистскому секуляризму как характерной черте современности.

Обращение автора к воздействию на К. Шмитта творчества У. Шекспира объясняется не только его сочинением о Гамлете, но и восприятием шекспировских персонажей как кальки современности. А. Хёфеле обращал внимание на то, что в представлении немецкого консерватора Отелло, а не Гамлет выступает в качестве немецкой пьесы. В ней также можно проследить последующее негативное отношение К. Шмитта к евреям и еврейству, как оценки Отелло (S. 168-169).

Анализируя период национал-социализма, автор стремился проследить, насколько изменилось отношение К. Шмитта к его друзьям, и как политический режим оказал воздействие на изменение тональности его произведений. Отмечается, что начиная с 1934 г. К. Шмитт начинает дистанцироваться от своих друзей-евреев и солидаризироваться с нацистскими преступниками (S. 254). Углубленно исследует А. Хёфеле отношение К. Шмитта к А. Гитлеру не только на основе анализа дневников, но и рассмотрения критики пьесы Ф. Шиллера «Царевич Дмитрий». Он обращал внимание на то, что Гитлер был «преступник не великий, не последний», называя его «чуждым гостем», представлявшим новый тип радикального индивидуалиста. Отсылая к пьесе Ф. Шиллера, К. Шмитт находил черты сходства, считая А. Гитлера не опереточной фигурой, а трагическим героем (S. 334-335).

Останавливаясь на современных немецких писателях, А. Хёфеле обращал внимание на систему коммуникаций К. Шмитта с ними. В этой связи он противопоставляет его отношение к Т. Манну и Г. Бенну. Оценки К. Шмитта позиции Т. Манна носят критический характер, что подчеркивается автором. Т. Манн для него, прежде всего, «калифорнистский радиогерой», конъюнктурщик, который стал «изменником духа, постоянным претендентом на медаль будь то Гёте, Сталина, Нобеля и антифа» (S. 378). Иное отношение к Г. Бенну, который умел сохранить честь в любой ситуации. Автор подчеркивал симпатию К. Шмитта к позиции Г. Бенна, высказанную в июле 1947 г., который публично заявил, что не собирается сливаться с «нацистами как свиньями, коммунистами как простофилями, демократами как духовными проститутками,

Ullrich, Volker: Deutschland 1923. Das Jahr am Abgrund. – München: Verlag C.H. Beck, 2022. – 442 S. – ISBN – 978-3-406-79103-1

Ульрих, Фолкер: Германия 1923. Год бездны. – Мюнхен: изд-во Бек, 2022. – 442 с. – ISBN – 978-3-406-79103-1

Рецензент / Rezensent:

Сергей Артамошин / Sergej Artamoshin

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00049>

Опубликованная накануне хронологического столетнего юбилея книга известного германского историка Фолькера Ульриха, отсылает нас к одному из самых напряженных, и без лишней скромности можно сказать, переломных годов в истории Веймарской республики – 1923 г. Невольно, рассматривая введение книги, обращаешь внимание на то, что автор проводит своеобразную столетнюю параллель, отмечая, что после эпидемии COVID-19 мир погружается в состояние политической напряженности, в которой можно увидеть отголоски прошлого. Вместе с тем, подчеркивается, что германские события 1923 г. были важным испытанием германской демократии, в котором она выдержала атаку извне и изнутри. Подзаголовок книги направлен, прежде всего, на то, чтобы подчеркнуть всю напряженность ситуации, поэтому 1923 г. называется историком «годом бездны».

Поясняя выбор темы исследования, Ф. Ульрих использует слова Стефана Цвейга, назвавшего эти годы «временем бедлама», которое действительно богато крайне напряженными событиями, такими как франко-бельгийская оккупация Рурской области, галопирующая инфляция, левые и правые мятежи в землях республики. Построение материала книги основывается на проблемном подходе, где в главах рассматриваются определенные сюжеты без прямой линии параллелей, но они вписываются в единое полотно исследования, как бы собирая сюжетные линии политической и культурной жизни Германии 1923 г. в одну картину года. Следует отметить, что Ф. Ульрих фокусирует внимание на выявлении причин обозначенных событий и вариативности их протекания, что подчеркивает авторскую позицию в анализе политических событий. Можно с полным основанием согласиться с базовым утверждением автора о том, что год 1923 является «ключевым» годом веймарского периода (S. 13), в котором проявились в полной мере как тенденции, направленные на свержение республики, так и шаги на пути ее стабилизации. Можно утверждать, что после 1923 г. вопрос о судьбе Веймарской республики был снят. Она утвердилась и устояла перед политическими бурями времени.

В изложении событий года Ф. Ульрих концентрирует внимание на ключевых моментах: франко-бельгийской оккупации Рура, деятельности кабинета Г. Штресемана, попытке коммунистического мятежа, мюнхенском выступлении нацистов, рейнском сепаратизме, достижениях германской культуры и в заключении, которое во многом представляет собой продолжение событий года, но уже в 1924 г., показывает последствия прошедшего года. Автор обращает внимание на роль личностного фактора в происходящих событиях, отмечая, что позиция и действия конкретного человека создавали направленность проводимой политики, способствуя как радикализации, так и стабилизации государственного курса в отношении конкретных событий. Так, в качестве примера он приводит смену французского кабинета Бриана и приход к власти Пуанкаре, что повлекло за собой отход от взвешенного курса в сторону бескомпромиссного требования полного выполнения условия Версальского мира (S. 22-23). Ввод французских

войск представлял собой войсковую операцию, нацеленную на принуждение Германии к выплате репараций, которая привела к возрастанию патриотического возбуждения немецкого населения и подъему солидарности с населением Рура. Автор полагает, что тактика пассивного сопротивления должна была убедить Францию в том, что ее силовые средства не являются эффективными. Волна противодействия, диверсионные и террористические действия были вызваны невозможностью правительства противодействовать данным проявлениям, поэтому от роста сопротивления в Руре наибольший успех получили коммунисты и националисты (S. 63).

Рурские события стимулировали экономический кризис германского государства. Ф. Ульрих считает, что проблемы инфляции и катастрофического падения германской марки в 1923 г. не связаны непосредственно с рурской оккупацией, а своими корнями уходят в экономическую политику Первой мировой войны, систему внутренних займов и финансирования войны. Инфляционное падение в большей степени было вызвано неспособностью республики выстроить новую финансовую систему из-за стремления к сохранению гражданского мира (S. 72). Автор делает обоснованный вывод о том, что девальвация марки привела к более опасным последствиям – девальвацией ценностей, когда на смену бережливости и праведности пришли беспощадность и цинизм (S. 87). По мнению исследователя, крушение социальной жизни и изменение ценностей находили свое выражение в желании достигать удовольствия всеми средствами, жизнь воспринималась не как служение какому-то делу, а как гедонизм и получение выгоды. Это находило выражение в росте проституции, создании гей-клубов, увеличении числа трансвеститов, разнузданности ночной жизни, эротике и культе обнаженного тела, а также культе силы, на примере увеличения интереса к боксу. Одновременно с этим яркий контраст мира богатства и нищеты, нуворишей и инвалидов войны демонстрировал собой не только высокую степень социальной несправедливости, но и бездну, в которую погрузилось общество (S. 99-101). Выдвинутые параллели между кризисом политической системы и падением социальных нравов германского общества, на наш взгляд, служат подтверждением глубинного кризиса германского общества в целом, а не только политического курса правительства Куно и Штреземанна.

Исследователь уделяет большое внимание роли Г. Штреземанна в процессе стабилизации государства и общества. Он справедливо указывает на то, что его превращение из монархиста сердцем в республиканца разумом носило постепенный характер. Автор восторженно пишет о том, что Г. Штреземанн бросил свое сердце на алтарь Германии, работая по 18 часов в сутки, впервые после канцлера Вирта став яркой личностью, выступающей в рейхстаге, на которого возлагались большие надежды, а его национальные чувства не могли вызывать ни у кого сомнения. В целом симпатии автора к Г. Штреземанну основываются на его стремлении к стабилизации веймарской системы путем прекращения пассивного сопротивления и стабилизации марки (S. 111-112).

Рассматривая серию радикальных выступлений, Ф. Ульрих стремится выявить их внутреннюю взаимосвязь. Так, рассматривая попытку коммунистического мятежа в Саксонии и Тюрингии, автор полагает, что он явился выполнением решения Москвы по дестабилизации системы и попытке захвата власти. Толчком к этому он считает знаменитую речь Карла Радека о Шлагетере, однако во многом историк находится в плену стереотипов зарубежной историографии, которая связывает путчистские действия германских коммунистов с действиями К. Радека и Л. Троцкого (S. 140, 157). Причина этого связана со слабым знанием современной российской историографии и русских документов, что приводит к тиражированию устоявшихся стереотипов.

Относительно правых выступлений осени 1923 г., то Ф. Ульрих связывает их со стремлением ряда финансовых и военных кругов к диктаторской форме правления как средству преодоления кризиса. В качестве диктатора виделся глава рейхсвера Г. фон Сект. Однако историк резонно указывает на одно существенное обстоятельство, которое служило препятствием на пути диктаторского способа решения кризисной ситуации – это

стремление фон Секта к действиям в рамках правового поля. Ф. Ульрих считает, что фон Сект не был готов к нарушению Конституции и был вынужден соблюдать условия Версальского мира до тех пор, пока не появится возможность его изменения (S. 177-179). Баварский триумвират Кара, фон Лоссова и Зайкера был ориентирован на действия в Берлине и тем самым противопоставлял себя баварским радикалам, в частности национал-социалистам. Мюнхенский путч ноября 1923 г. историк считает несвоевременным и дилетантским, который дискредитировал попытку решения политического кризиса 1923 г. с помощью утверждения правой диктатуры (S. 215). Интересно отметить суждение автора о действиях А. Гитлера как о политической акции. Оставляя за скобками вопрос об успехе выступления, важным было то, что А. Гитлер решился на это, нашелся наконец-то кто-то, кто выступил против республики. Ф. Ульрих видел в этом причину популярности А. Гитлера в 1923 г. в Баварии.

Следует обратить внимание на то, что Ф. Ульрих не склонен фокусировать внимание в 1923 г. исключительно на политических действиях. Он обращается к вопросам культуры, в которой видит важную противоположность политическим катастрофам 1923 г. В области культуры намечался существенный прорыв в кино и театре, культурный конфликт авангарда и традиционного искусства, колоссальное воздействие театра на германское общество (S. 274-285). В целом, в области культурного развития Веймарская республика добилась существенного успеха.

Монография Ф. Ульриха вносит серьезный вклад в понимание вариативности развития германского общества в кризисный 1923 г. и углубляет понимание особенностей политической культуры Германии того времени. Пример рассмотрения истории одного года показывает, как не просто оказалось Веймарской республике удержаться от падения в бездну, с тем чтобы в 1924 г. наметить пути выхода из кризиса в создании германского общества «золотых двадцатых».

эмигрантами как ренегатами, с религиозными людьми как патологическими нигилистами». А. Хёфель считал духовно близкой К. Шмитту подобную позицию (S. 379).

Отношения К. Шмитта и Э. Юнгера были не только отношениями с писателем, но и глубоко дружескими. Автор считал, что критическая направленность взаимоотношений стала проступать в 1949 г., особенно после публикации романа Э. Юнгера «Гелиополь», в котором действительность была скрыта под тенью утопической мифологии, прежде всего, критике нацизма. Нам представляется оправданным объяснение А. Хёфеле причин охлаждения отношений между ними тем, что Э. Юнгер вписался в политическую систему ФРГ, получал премии и награды, в отличие от К. Шмитта, поэтому в основе их дистанцирования друг от друга лежало чувство оппозиционности к ФРГ (S. 384, 394). Следует отметить стремление исследователя избегать крайне отрицательных оценок, желание и умение понять героя своей книги, что позволило ему не только исследовать поставленную проблему, но показать многосторонность интеллектуального профиля объявленного вне закона Нестора немецкого государственного права, как он был назван в 1952 г. в *Spiegel* (S. 410).

Монография А. Хёфеле вносит серьезный вклад в понимание вариативности развития германского консерватизма в первой половине XX века и углубляет понимание особенностей политической культуры Германии. Пример интеллектуального поля Карла Шмитта показывает нам, насколько всесторонними могут быть интересы интеллектуала, какое воздействие оказывает на мыслителя духовное окружение, в котором он творит.

Graf, Friedrich Wilhelm: Ernst Troeltsch: Theologe im Welthorizont. Eine Biographie. – München: C. H. Beck, 2022. – 638 S. – ISBN: 978 3 406 79014 0

Граф, Фридрих Вильгельм: Эрнст Трёльч: теолог в мировом горизонте. Биография. – Мюнхен: К. Х. Бек, 2022. – 638 с. – ISBN: 978 3 406 79014 0

Рецензент / Rezensent:
Тимофей Дмитриев / Timofey Dmitriev

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00055>

В этом году исполнилось 100 лет со дня кончины известного немецкого теолога, ученого и политика Эрнста Трёльча (1865-1923). Когда в феврале 1923 года Трёльч скоропостижно скончался от гриппа, на его похороны в берлинском районе Вильмерсдорф пришел весь цвет политической и культурной элиты тогдашней Веймарской республики. На траурной церемонии присутствовали как признанные мэтры немецкой науки и культуры, так и ее молодые адепты, которым доведется составить ее славу в будущем. Здесь были Фридрих Мейнеке и Отто Хинце, Альберт Эйнштейн и Густав Радбрух, Эрих Ауэрбах и Пауль Тиллих, Ханс Йонас и Теодор Хойс, будущий президент ФРГ, с супругой. Известный теолог Адольф фон Харнак сказал проникновенное последнее слово о покойном.

Но затем наступает долгая пора забвения. Конечно же, нельзя сказать, чтобы о Трёльче, его трудах и идеях вообще не вспоминали. Его работы продолжали читать, на них время от времени ссылались специалисты, а сам он числился в западном академическом пантеоне видным теологом и одним из создателей – наряду с Максом Вебером, Иоахимом Вайсом и французом Эмилем Дюркгеймом, – современной социологии религии. Тем не менее, было бы большим преувеличением утверждать, чтобы Трёльч в последние сто лет воспринимался как одна из крупнейших фигур современной социальной и гуманитарной науки в самой Германии, а тем более за ее пределами. В отличие от своего всемирно известного друга и коллеги Макса Вебера, с которым он соседствовал в Гейдельберге на одной вилле, и канонизация которого в качестве мыслителя первой величины прихлясь уже на 30-е – 40-е годы прошлого века, посмертная судьба отнюдь не была столь благосклонной к Трёльчу.

Объемистая биография, написанная Фридрихом Вильгельмом Графом, в известной мере носит переломный характер, поскольку она кладет конец этому досадному недоразумению и стремится снова ввести как фигуру самого Трёльча, так и его научные и политические идеи в актуальный оборот современных общественно-политических дебатов, круг которых необычайно широк – от вопросов о месте христианской религии и ее приверженцев в современном массовом демократическом обществе до проблем религиозных истоков современного западного индивидуализма, сегодня явно склонного прикрывать «покровом неведения» тайну своего происхождения.

Следует сказать, что, по большому счету, мало кто так идеально подходил на роль биографа, способного не только актуализировать фигуру Трёльча в глазах его соотечественников (и не только), но и придать «второе дыхание» его творческому наследию, как Фридрих Вильгельм Граф (род. 1948). Этот крупный евангелический теолог, профессор *emeritus* систематической теологии и этики Мюнхенского университета и действительный член Баварской Академии наук известен не только как религиозный интеллектуал, но и как серьезный исследователь протестантской теологии и немецкой интеллектуальной истории XX века, которым он посвятил целый ряд исследований. Среди

них – «Церковные сумерки. Как церкви теряют наше доверие» (2011), «Святой дух времени. Исследования по истории идей протестантского богословия в Веймарской республике» (2011), «Боги глобальны. Как мир становится супермаркетом религий» (2014), «Дружба между профессионалами. Исследования о Трёльче и Вебере» (2014), «Протестантизм» (2017). В качестве редактора Граф сыграл определяющую роль в подготовке 26-томного критического собрания сочинений и писем Трёльча (*Kritische Gesamtausgabe*), публикация которого должна завершиться в ближайшее время. Материалы и документы, опубликованные в этом монументальном издании, послужили одним из главных источников новой работы Графа.

В ее центре стоят не только личность и творчество Эрнста Трёльча, но и те жизненные миры, которые формировали его как человека и ученого и которые на протяжении всей его жизни оказывали немалое воздействие на его жизненный путь и интеллектуальную эволюцию. Прекрасное образование, обширная эрудиция и выдающиеся академические и преподавательские способности позволили Трёльчу в двадцать шесть лет получить докторскую степень, а в сорок один год стать проректором Гейдельбергского университета, а в 1914 году переехать в столицу Германской империи Берлин, где он в университете стал профессором кафедры «философии религии, общества и истории и христианской религии». Широкая известность в академических кругах, признание коллег и даже благоволение «сильных мира сего» – недаром в разгар мировой войны именно Трёльчу было доверено произнести 27 января 1916 года официальную речь в честь дня рождения императора Вильгельма II в Большом актовом зале университета Фридриха-Вильгельма – все эти характерные дары мирской славы Трёльч сполна испытал при жизни.

Как удалось сыну аугсбургского врача, родившемуся в 1865 году, выходцу из образованных кругов протестантской буржуазии, сделать столь успешную сперва академическую, а затем – и политическую карьеру? Возможно, этому поспособствовала усвоенная еще в детстве и юности сумма буржуазных добродетелей, которую Граф сводит в следующий каталог: «дельность, солидность, твердость характера, работоспособность, справедливость, любовь к людям» (S. 544). При этом, будучи серьезным ученым, Трёльч был не чужд и маленьких радостей жизни. Он был буржуа по всему своему жизненному складу, любил вкусно поесть, пил эльзасские вина и курил дорогие сигары. Он часто ходил в театр и редко пропускал выставки современного искусства в столице Империи. Несмотря на первоначальную тоску после переезда в Берлин по «всемирной деревне» на Неккаре, – так немецкие интеллектуалы начала прошлого века имели обыкновение называть университетский городок Гейдельберг, где Трёльч провел одни из самых лучших лет своей жизни, – он любил столичную берлинскую жизнь.

В своей биографии Граф делает особый акцент на необычайную широту исследовательских интересов Трёльча как ученого. Ему принадлежали работы по сравнительной теологии, истории и социологии религии, философии истории, истории немецкой и европейской культуры, а также политические статьи и выступления «на злобу дня». Весь этот обширный круг интересов и работ, а также их значение для развития современных социальных и гуманитарных наук превосходно освещается и разъясняется Графом в его книге. Правда, при её внимательном изучении бросается в глаза некоторый дисбаланс между теми фрагментами его работы, которые посвящены первому монументальному труду Трёльча – «Социальные учения христианских церквей и групп» (1912) в двух томах – и его второму *opus magnum* «Историзм и его проблемы» (1922). Если содержание и значение первого труда рассмотрены Графом довольно подробно (S. 296-323), то основные проблемы и конфликты интерпретаций, связанные со вторым, намечены скорее пунктиром (S. 413-422) и не получили сколько-нибудь обстоятельного рассмотрения. Возможно, на таком дисбалансе сказалась профессиональная теологически-религиоведческая подготовка автора.

Граф показывает, что на протяжении всей своей академической и политической карьеры Трёльч развивал жизненно важное для него самого как ученого и верующего

человека понимание христианства как «личностного» начала, противостоящего обезличивающим господствующим силам современного мира – бюрократии, капитализму и милитаризму. Это вопрос не имел для него чисто академического характера, но был обусловлен практическими проблемами и противоречиями самой современной жизни. Как могли бы ужиться друг с другом христианская религия и мир модерна с учетом того, что многие сферы жизни человека постепенно выходит из-под влияния религиозных догматов и практик? — на этот вопрос Трёльч не дает строго определенного ответа, хотя он и намекает на то, какие способы решения этой проблемы представляются ему негодными. Говоря об отношении Трёльча как религиоведа к религии как предмету его исследований, Граф отмечает, что тот вовсе не пытался ассимилировать религию с помощью культуры, но, напротив, подчеркивал основополагающее различие между ними. «Величие религии, — настаивал Трёльч, — заключается именно в ее противоположности культуре». Религия всегда имеет дело с «раскрытием надмирных и сверхчеловеческих сил», с «направленностью к тому, что находится за пределами чувств». Именно таким пониманием были продиктованы полемические выпады Трёльча против культурно «нейтрализованной» религии. По его словам, «религия, примиренная с культурой, будет не чем иным, как плохой наукой и поверхностной моралью, но именно тогда она утратит свою религиозную суть» (S. 546).

В своей работе автор не сглаживает острых углов в биографии ее героя, будь то личного, будь то общественно-политического свойства. Он подчеркивает резко выраженную патриотическую позицию Трёльча в начале первой мировой войны и воинственный характер его политической публицистики той поры, что даже повлекло за собой его обвинение в «великогерманском культурном шовинизме» («volksdeutschen Kulturchauvinismus») (S. 493); вместе с тем Граф отмечает сложность характера Трёльча, о которой говорили многие современники, а также его непростые взаимоотношения с рядом коллег. Важным здесь является то, что в биографии фигура и дело Эрнста Трёльча предстают перед нами не в виде статичного канонизированного образа, но в развитии, полном конфликтов и противоречий. Это в полной мере касается общественно-политических взглядов и позиций немецкого мыслителя. Граф наглядно показывает, как под воздействием происходящих тектонических событий первой мировой войны Трёльч пересматривает свою первоначальную ультрапатриотическую позицию, выступает начиная с 1917-1918 гг. за демократизацию политического строя Пруссии и Германии, а после ее поражения в войне и крушения Германской империи становится одним из крупнейших политических вождей немецкого национального либерализма и одним из создателей леволиберальной Немецкой Демократической партии, сторонников которой он ориентирует на создание прочного политического союза с умеренными кругами немецкой социал-демократии в качестве социальной основы для политического выживания недавно созданной Веймарской республики (S. 475-481, 502-507). Не проходят мимо внимания Графа и послевоенные усилия Трёльча как крупнейшего немецкого ученого-гуманитария того времени, направленные на возвращение Германии в европейскую семью народов.

В заключение позволим себе отметить, что созданная Графом биография Эрнста Трёльча, — это лучшее из всего того, что было написано за последние несколько десятилетий об этом известном немецком теологе, ученом и политике, чья жизнь и творческое наследие на протяжении большей части XX века, к нашему большому сожалению, служили предметом внимания лишь узкого круга специалистов. Поэтому бесспорная заслуга Графа заключается еще и в том, что благодаря своей блестящей книге ему удалось вывести личность и творчество Эрнста Трёльча за узкие рамки профессионального интереса специалистов и снова сделать их, как это было 100 лет тому назад, достоянием более широких кругов образованной общественности.

Mehring, Reinhard: Carl Schmitt. Aufstieg und Fall: Eine Biographie. – 2., überarbeitete, aktualisierte und gekürzte Auflage. – München: C. H. Beck, 2022. – 732 S. – ISBN: eBook (PDF) 978 3 406 78565 8.

Меринг, Рейнхард: Карл Шмитт. Взлет и падение: биография. – 2-е, исправленное, обновленное и сокращенное издание. – Мюнхен: К. Х. Бек, 2022. – 732 с. – ISBN: электронная книга (PDF) 978 3 406 78565 8.

Рецензент / Rezensent:

Тимофей Дмитриев / Timofey Dmitriev

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00052>

Второе, отчасти сокращенное, отчасти пересмотренное и дополненное издание книги Райнхарда Меринга (род. 1959) на настоящий момент является самой полной и обстоятельной биографией крупнейшего немецкого ученого-правоведа XX в. Карла Шмитта (1888-1985). Ее автор, профессор политической науки в Педагогическом университете Гейдельберга – признанный специалист в области истории идей и интеллектуальной истории, перу которого принадлежит более дюжины монографий, значительная часть которых посвящена Шмитту и его идейному наследию.

Подчеркивая, что при подготовке второго издания биографии Шмитта был использован большой объем литературы, появившейся со времени выхода первого издания (2009), включая публикацию переписки Шмитта со многими известными коллегами и современниками (Вернером Зомбартом, Якобом Таубесом, Рейнхардтом Козеллеком, Иоахимом Риттером и др.), автор указывает, что он продолжает придерживаться «основных линий, намеченных в издании 2009 года, и всего лишь усилил стаккато в некоторых главах книги и перевел его в созвездия портретов и картин» (S. 588). С учетом того, что со времени первого издания появились важные исследования, по-новому или же более подробно осветившие рубежные эпизоды жизненного пути и интеллектуальной эволюции Карла Шмитта, в целом ряде мест изложение было сокращено, тогда как в других – уточнено и расширено. Коль скоро по своему жанру книга представляет собой биографическое повествование, в ней «труды Шмитта читаются как зеркало жизни, поиски нормативных ориентиров и протоколы сложившейся обстановки. Она заканчивается со смертью Шмитта и лишь отчасти принимает во внимание новые грани академического значения его творчества, не говоря уже о современных дебатах» (S. 588).

Можно согласиться с Райнхардом Меринг, что задача написания биографии столь сложной и противоречивой фигуры, как Карл Шмитт, не ставит перед ее автором легких задач. Ведь «к сложной личности не так-то просто подобрать какой-то один универсальный ключ» (S. 14). Более того, решение этих задач усложняется еще и тем, что сам Шмитт, при всем своем довольно критическом отношении к романтической установке, сформулированном еще в раннем произведении «Политический романтизм» (1919), сам был не прочь «мифологизировать» как свою собственную жизнь в целом, так и ее отдельные эпизоды, прибегая для этого к широкому репертуару художественных и мифопоэтических образов и пытаясь представить себя то «белой вороной», умудрившейся злой волею судьбы попасть во все «черные списки», то Дон Кихотом, то Гамлетом, то Бенито Серено (героем известной повести Германа Мелвилла), то «современным Макиавелли» или «Гоббсом сегодня».

Поскольку темой рецензируемой книги является не только интеллектуальная и мировоззренческая эволюция Карла Шмитта, но и его жизнеописание в целом, которое составляет общую рамку для авторского повествования о нем, разворачивающегося на фоне

масштабных политических событий и процессов XX века, ко многим из которых Шмитт имел прямое или косвенное отношение, то особое значение приобретает периодизация его биографии на отдельные этапы, каждый из которых вносит что-то особенное в понимание личности и творчества немецкого мыслителя. Таковых периодов в жизни Шмитта Меринг насчитывает четыре. Это – его становление как человека и ученого в эпоху «вильгельминизма» (1888-1918), эпохи правления последнего германского императора и прусского короля Вильгельма II, затем – его жизнь и академическая деятельность в период Веймарской республики (1919-1933), на смену которому приходит эпоха национал-социалистической диктатуры (1933-1945), с которой Шмитт активно сотрудничал, прежде всего на этапе ее становления, и наконец, заключительный этап жизни немецкого ученого (1945-1985), отлученного за сотрудничество с нацистами от немецкой академической жизни и вынужденного вести жизнь «частного ученого» (Privatgelehrter), живя в своем родном городке Плеттенберге. Примечательно при этом то, что все эти периоды очерчиваются не только сугубо личными или академическими моментами жизненного пути Шмитта, но и более широким политическим контекстом немецкой и мировой современности.

Большой интерес представляет их общая характеристика. Если первый период в жизни Шмитта, с 1888 по 1919 гг. – от появления на свет до вхождения во взрослую академическую жизнь автор вполне ожидаемо характеризует как период становления человека и ученого, то характеристика двух последующих периодов Шмитта времен Веймарской республики (1918-1933) и национал-социализма (1933-1945) требует уже более дифференцированного и нюансированного подхода. Как отмечает Р. Меринг, молодой «Шмитт не был сторонником «идей 1914 года», милитаристского авторитарно-бюрократического государства или политического католицизма. Как частное лицо он проявлял явную склонность к индивидуализму, который в то же самое время стремился изгонять в теории» (S. 112). Два его великих интеллектуально-исторических исследования раннего периода: «Политический романтизм» (1919) и «Диктатура» (1921) восходят к формирующему опыту раннего периода. В работе «Политический романтизм» Шмитт дает свою обобщенную критику индивидуализма, отвергающую менталитет западноевропейской буржуазии в том виде, в каком он возник еще со времен романтизма. Вместе с тем эта критика оказывается нацеленной также на чрезмерную чувствительность и субъективизм, свойственные современному человеку в целом. Что же касается другой знаменитой работы раннего Шмитта – «Диктатура», то в ней он критикует уже не субъективную сторону буржуазного мира, а его объективную политическую конституцию, в исследовании которой ему довелось найти сквозную тему своего мышления. Отталкиваясь от своего восприятия опыта военного времени (1914-1918), Шмитт уже тогда пришел к заключению, что буржуазный мир с его менталитетом и политическим устройством едва ли сможет сохраниться в обозримом будущем.

Не менее примечательна та интегральная оценка, которую Меринг дает Веймарскому периоду жизни и творчества Шмитта. На это время приходится не только пик научной продуктивности Шмитта, связанный с написанием таких важных работ, как «Политическая теология» (1923), «Духовно-историческое состояние современного парламентаризма» (1923), «Понятие политического» (1927), «Учение о конституции» (1928), «Легальность и легитимность» (1932), но и его активное участие в качестве правоведа-консультанта «сильных мира сего» в лице рейхсканцлеров Папена и Шлейхера в политической жизни Веймарской Германии. Вопреки расхожим стереотипам, Шмитт вовсе не был сторонником национал-социалистов с самого их появления на немецкой политической сцене; более того, в начале 1930-х годов он настойчиво пытался найти конституционные средства, с помощью которых можно было бы не допустить прихода к власти национал-социалистической партии (НСДАП) Гитлера. Сегодня уже можно считать доказанным, что «Шмитт выступал против передачи власти Гитлеру или ее «захвата» им и хотел предотвратить подобное развитие событий» (S. 302). В свете последующего

вступления Шмитта в 1933 году в нацистскую партию и активного сотрудничества с национал-социалистической властью этот момент жизни и политической деятельности Шмитта позволяет по-новому взглянуть на его политическую эволюцию в 1920-е и в начале 1930-х годов, а также понять, что до 1933 года он вовсе не был сторонником «тотального государства фюрера», хотя в то же самое время он не испытывал особых симпатий к веймарскому либерализму и парламентаризму.

Особый интерес среди тем, затронутых в биографии, вызывает реконструированная Мерингом и при этом основательно документированная история «погружения высоко одаренного и продвинутого интеллектуала в нацистское и антисемитское безумие, от которого Шмитт так и не оправился полностью после 1945 года» (S. 14). Переход на позиции победившего национал-социализма происходит у Шмитта постепенно, с января по март 1933 года, и тесно увязывается им с оценкой карьерных перспектив на службе новому режиму. «Он осознает, – пишет Меринг, – что сможет играть свою прежнюю роль преподавателя государственного права только под эгидой национал-социалистов» (S. 309). Довольно оригинально в этом контексте выглядит предложенный Мерингом список из 42 (!) мотивов, которые Шмитт мог бы привести в оправдание своего сотрудничества с нацистами (S. 312-313). «То, что он вступил в «царство низших демонов», как называл это Эрнст Никиш, и заключил договор с бандой вандалов, грабителей, убийц и сумасшедших, вскоре стало очевидным» (S. 315). Однако, несмотря на готовность Шмитта верой и правдой служить новой власти и еще дальше погружаться тем самым в «нацистское и антисемитское безумие», его сотрудничество с новыми хозяевами немецкой жизни в конечном счете не вышло. В 1933 году Шмитт сделал ставку на покровительство Германа Геринга и Ганса Франка – тогдашнего рейхскомиссара министерства юстиции и будущего генерал-губернатора оккупированной Польши, казненного в 1946 году по приговору Нюрнбергского трибунала – но в итоге проиграл борьбу за право стать «коронным юристом Третьего рейха» сторонникам более жесткой линии в тогдашней немецкой «юриспруденции». После 1936 года он отходит от активного сотрудничества с национал-социалистическим режимом, но его репутация к тому времени уже была непоправимо испорчена.

1945 годом отмечено начало нового, заключительного периода в жизни Шмитта. Будучи арестован союзниками после крушения национал-социалистической диктатуры, он провел некоторое время в Нюрнбергской тюрьме, откуда затем был выпущен с запретом на возобновление академической карьеры. Ползучую реабилитацию Шмитта как мыслителя и ученого в послевоенной ФРГ после «грехопадения» 1933 года Меринг связывает с интересом к его мысли либерально настроенного послевоенного поколения молодых немецких ученых и интеллектуалов, таких, как будущий судья Конституционного суда ФРГ Ханс-Вольфганг Бёкенфёрде или философ и политический мыслитель Герман Люббе, считавших, что, читая Шмитта, можно научиться чему-то важному. Им же принадлежала характерная для понимания восприятия Шмитта в Боннской республике (1949-1991) идея, согласно которой обвинения человека в сотрудничестве с тоталитарным режимом не тождественны опровержению его теорий.

Несмотря на то, что автор биографии Шмитта не ставил перед собой цели дать систематическое изложение вопроса об актуальности идейного наследия Шмитта для современной эпохи, – в значительной степени этой теме были посвящены другие его работы, – совершенно пройти мимо этого вопроса он не может. Поэтому в послесловии к второму изданию своей работы он с высоты птичьего полета рисует картину современных событий и строит предположения по поводу того, какое отношение к ним мог бы занять сам Шмитт. По мнению Меринга, в условиях распада прежнего мирового порядка, войн в Сирии и на Украине (а сегодня уже и на Ближнем Востоке), кризиса ЕС и заката мировой американской гегемонии, равно как и драматических перемен в немецкой общественно-политической жизни идейное наследие Карла Шмитта продолжает сохранять свою актуальность. Этой констатацией автор завершает свою работу.

Breuer, Stefan: Max Weber in seiner Zeit. Politik, Ökonomie und Religion 1890-1920. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2022. (Kultur- und sozialwissenschaftliche Studien, Bd. 22) – 448 S. – ISBN: 978-3-447-11764-7

Бройер, Штефан: Макс Вебер в свою эпоху. Политика, экономика и религия (1890-1920). – Висбаден: Харрассовиц Ферлаг, 2022. (Культурологические и социально-научные исследования, т. 22). – 448 с. – ISBN: 978-3-447-11764-7

Рецензент / Rezensent:
Олег Кильдюшов / Oleg Kildyushov

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00051>

Автор фундаментального исследования исторического контекста возникновения социологии Макса Вебер – Штефан Бройер – принадлежит к узкому кругу выдающихся знатоков и интерпретаторов идейного наследия классика современного социального знания¹. О другой его вебероведческой работе мы уже писали ранее в данном издании².

В своей последней книге исследователь убедительно показывает, что работы одного из отцов-основателей социологии выходят далеко за рамки этой дисциплины. Так, веберовское влияние можно проследить в таких отраслях науки, как национальная экономика и политология, история права и религиоведение и др. Однако не меньший интерес в качестве предмета изучения представляет собой обратный идейно-исторический феномен – тот интеллектуальный контекст конца 19 – начала 20 века, в рамках которого формировался оригинальный проект веберовской понимающей социологии как рефлексивной науки о модерне как новой социальной действительности. При этом автор прямо признает трудность написания негероической интеллектуальной биографии таких масштабных фигур, как Макс Вебер. Тем не менее, заголовок книги является для него программным, поскольку его интересует не одинокий титан мысли, сражающийся со своим временем, а именно тщательная реконструкция вильгельминовского периода немецкой истории как уникальной научно-культурной эпохи.

Ее конститутивные воздействия вообще и отдельные отпечатки конкретно анализируются Бройером на материале двух предметно-временных этапов эволюции веберовской социологии. Автор исходит здесь из того, что сам Вебер, вполне осознавая пионерский характер собственных работ, тем не менее не столько противопоставлял себя коллегам и современникам, сколько пытался творчески продолжить и развить, модифицировать и переинтерпретировать постановки вопросов, ставшие тогда предметом научных дискуссий. Это касается самых разных аспектов веберовского творчества. Так, применительно к работам по социальной и экономической истории древности для него характерен постоянный диалог прежде всего с Теодором Моммзеном и Карлом Родбертусом, Эдуардом Мейером и Карлом Бюхером. Для исследований Вебера в области национальной экономики ключевое значение имели такие фигуры, как Густав Шмоллер, Карл Менгер и Луио Brentano. А оригинальные попытки эпистемологического

¹ См. статью о нем известного отечественного вебероведа Д. В. Катаева на портале Большой российской энциклопедии: <https://bigenc.ru/c/broier-shtefan-f690b4?ysclid=lpdl1iczb751906186>

² Кильдюшов О. В. Рецензия на книгу: Andreas Anter/Stefan Breuer (Hrsg.): Max Webers Staatssoziologie. Positionen und Perspektiven. 2. überarbeitete Auflage. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2016. // Rezensionen zur internationalen Forschung zur russischen und deutschen Geschichte – Rezensionenreihe des DHI Moskau. 2020. Т. 11. См.: https://perspectivia.net/receive/pnet_mods_00003952?fbclid=IwAR0y86kQQeossZ2g3LkhIvy3MWgpUneoXGyUJM93OnCRmq1iZYUzNFze45E

фундирования социальных наук осуществлялись в поле идейного напряжения между Генрихом Риккертом и Рудольфом Штаммлером. В сфере политической социологии или социологии государства Макс Вебер непосредственно реагировал на важные содержательные импульсы со стороны Георга Йеллинека и Роберта Михельса. В области социологии религии его референтными авторами был целый ряд предшественников и современников, включая Адольфа Гарнака и Эрнста Трельча. Такого рода идейно-генеалогическое исследование веберовских текстов приводит Бройера к новому открытию многих источников, иногда уже забытых, но так или иначе влиявших на форму и содержание социологического проекта классика.

Таким образом, в новом труде исследователя основные усилия направлены на контекстуализацию и историзацию определенных научных результатов и интеллектуальных продуктов важнейших авторов, в свое время считавшихся прорывными и ставших основополагающими для конкретных дисциплин. Применительно к кругу чтения и общения Вебера этот метод дает значительное приращение наших представлений о фактическом формировании оригинального веберовского голоса в мощном идейно-интеллектуальном хоре своей эпохи.

Структурно сочинение состоит из трех частей: 1. Раннее творчество; 2. Политика и экономика (1902/1903-1920); 3. Религия (1904-1920). В первой части книги (S. 1-141) исследуется влияние Германа Баумгартена, Моммзена и Родбертуса на ранние работы Вебера, а затем рассматривается его аграрно-политическая деятельность 1890-х годов, а также участие в Евангелическо-социальном движении и Пангерманском союзе. Вторая часть (S. 143-278) посвящена веберовскому анализу современного капитализма и его связи с неомеркантилизмом и империализмом. Там же обсуждается позиция классика социологии в отношении различных проявлений социализма и современной партийной системы, а также предпринимается попытка определить место его политических взглядов в рамках либерализма. В третьей части (S. 279-438) автор рассматривает вклад Вебера в исследования религиозного развития на Западе и за его пределами, частично с исторической и систематической точек зрения, частично путем сравнения с концепциями Освальда Шпенглера, Эрвина Роде и Эрнста Трельча.

Разделяя материал таким образом, Ш. Бройер исходит из того, что как биография, так и все творчество Вебера отмечены глубокой цезурой в 1898-1903 годах, когда тот из-за серьезного психического заболевания был вынужден приостановить свою активность в качестве академического исследователя и университетского преподавателя. При этом для первой фазы эволюции классика характерны прежде всего квалифицирующие работы в рамках академии, основной фокус в которых направлен на сюжеты в области истории права. Тогда же им были написаны сочинения, обусловленные чтением соответствующих лекционных курсов, а также вызванные участием ученого в Союзе социальной политики и Евангелически-социальном конгрессе – в основном, они посвящены национальной экономике, иногда с акцентом на аграрно-политическую проблематику. Как отмечает Бройер, в этот период религия лишь косвенно присутствует в веберовском анализе современности, не становясь предметом специального обсуждения. Лишь по мере постепенного восстановления работоспособности в 1902-1903 годах тематический фокус ученого радикально меняется, блестящим результатом чего стал выход не только прорывных статей под названием «Протестантская этика и дух капитализма», но и последующий масштабный цикл работ «Хозяйственная этика мировых религий»³.

Однако глубокий и устойчивый интерес классика к религиозным основаниям социальной жизни во вторую фазу его творческой эволюции вовсе не означал какую-либо монотематичность. Ни религия, ни другая страсть ученого-политика – никогда полностью не закрывали его исследовательский горизонт для других фундаментальных проблем или актуальных вопросов. На это указывает уже его интенсивная активность в рамках

³ Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий: Опыты сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм / Пер. с нем. О. В. Кильдюшова. СПб: Владимир Даль, 2017.

подготовки «Очерка социальной экономики», ставшего главным проектом последних лет жизни Вебера и приведшего к появлению гигантского компендиума «Хозяйство и общество». Здесь социология религии присутствует на равных с социологией хозяйства, господства и права. Именно поэтому исследование второй фазы разделено в книге Штефана Бройера на две соответствующие части, в которых релевантная проблематика преломляется через столкновение с авторами, являвшихся ключевыми для Вебера в это время.

Автор специально оговаривает, что притязания его исследования сознательно ограничены лишь тремя проблемными полями, вынесенными в заголовок – политика, экономика и религия. Несмотря на неизбежно связанные с этим содержательные ограничения, на его взгляд, это методически более осмысленно и, главное, продуктивно, чем попытки охватить весь необъятный спектр наследия Макса Вебера. При этом Бройер вовсе не игнорирует эвристически значимые достижения классика в области теории права, социологии искусства или теории науки. Просто фокус его внимания в данном случае направлен не на весь корпус веберовских текстов, одновременный анализ которых требует нереалистических усилий и компетенций, и тем более не на проверку валидности классических тезисов в свете новейших достижений науки. В первую очередь его интересует историческая контекстуализация позиций Вебера на фоне центральных проблем и спорных вопросов его эпохи. Конкретно в 15 тематических главах он реконструирует иногда открытый, иногда скрытый диалог великого мыслителя с другими выдающимися авторами рубежа 19-20 веков. При этом многие узкие вопросы, интересные лишь специалистам в конкретных областях, остаются за рамками данного исследования – например, веберовские работы о бирже, психофизике индустриального труда или государственная теория денег.

Осуществленная в рецензируемой книге историческая контекстуализация позволяет преодолеть многие традиционные оппозиции, сложившиеся в рамках предшествующих интерпретаций взглядов М. Вебера. Например, тех, что вращались вокруг давно обсуждаемого вопроса о том, являлся ли великий социолог в первую очередь прогрессивным для своего времени либеральным демократом или же он был прежде всего страстным националистом и реально-политическим империалистом, типичным для вильгельминовской эпохи. Как показывает анализ Ш. Бройера, это совершенно ложная оппозиция, поскольку реальный Вебер был и тем, и другим, поскольку национально ориентированный либерализм и последовательное отстаивание великодержавных интересов своего государства вовсе исключали друг друга ни до 1900 года, ни после.

Knöbl, Wolfgang: Die Soziologie vor der Geschichte. Zur Kritik der Sozialtheorie. – Berlin: Suhrkamp Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft, 2022. – 316 S. – ISBN: 978-3-518-29975-3

Кнёбль, Вольфганг: Социология перед историей. К критике социальной теории. – Берлин: Зуркамп Ташенбух Виссеншафт, 2022. – 316 с. – ISBN: 978-3-518-29975-3

Рецензент / Rezensent:
Олег Кильдюшов / Oleg Kildyushov

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00054>

Автор рецензируемой здесь книги – крупный немецкий социолог Вольфганг Кнёбль¹ – слабо известен русской научной общественности. Между тем, сегодня он является одним из ведущих социальных теоретиков современной Германии, известным своими исследованиями в области социологической теории, политической и исторической социологии, а также социологии насилия и теории модернизации. В качестве директора Гамбургского института социальных исследований ученый руководит масштабными научными проектами на стыке различных дисциплин. Он автор книг «Социальная теория: 20 вводных лекций»² (вместе с Х. Йоасом, 2004), «Контингентность модерна: пути в Европе, Азии и Америке»³ (2007), «Объясняя насилие: в защиту процессуальной социологии»⁴ (вместе с Т. Хёбелем, 2019) и др. Также из-под его пера вышло свыше 100 статей в журналах и сборниках. Многие сочинения В. Кнёбля переведены на английский, испанский, китайский, португальский, чешский и другие языки. Его научные достижения получили заслуженное признание: с 2014 г. исследователь является ординарным членом Берлинско-Бранденбургской академии наук. Он выступает соиздателем серии «Теория и общество» в ведущем международном издательстве Campus и журнала Archives Européennes de Sociologie/European Journal of Sociology. Пока на русский язык переведен только его совместный лекционный курс с Хансом Йоасом⁵, а также у нас опубликован реферат одной из его статей по цивилизационному анализу⁶.

Последняя по времени публикации монография В. Кнебля продолжает его длительный цикл исследований, посвященный запутанным отношениям между социальной теорией и представлениями об историческом процессе, включая традиционную философию истории, историзм и теорию модернизации. На русский язык название книги можно перевести как «Социология перед историей» или, еще более дословно, как «Социология до истории». Здесь его прежде всего интересует то, как социология с самого начала своего существования подходила к историческому – прежде всего через формирование таких мощных процессуальных понятий, как «дифференциация» или «индивидуализация», которые по сей день играют центральную роль при диагнозах эпохе модерна. Кнебль считает, что до сих пор редко обсуждалось то, какой историко-философский балласт несут

¹ См. нашу статью о нем на портале Большой российской энциклопедии: <https://bigenc.ru/c/kniobl-vol-fgang-624bcc>

² Joas H., Knöbl W. Sozialtheorie. Zwanzig einführende Vorlesungen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2004.

³ Knöbl W. Die Kontingenz der Moderne : Wege in Europa, Asien und Amerika. Frankfurt am Main: Campus, 2007. (Theorie und Gesellschaft; Bd. 61).

⁴ Hoebe T., Knöbl W. Gewalt erklären! : Plädoyer für eine entdeckende Prozesssoziologie. Hamburg, 2019.

⁵ Йоас Х., Кнёбль В. Социальная теория: двадцать вводных лекций / пер. с нем. К. Г. Тимофеевой. Санкт-Петербург: Алетейя, 2013.

⁶ Ефременко Д. В. В. Кнёбль. Зависимость от траектории предшествующего развития и цивилизационный анализ: методологические вызовы и теоретические задачи // Социологический ежегодник. 2010. С. 113–117.

в себе такого рода термины-«ации», хотя в последнее время некоторые из них подверглись резкой критике. Исследователь анализирует, как на разных этапах истории социологии как научной дисциплины предпринимались попытки теоретизировать масштабные исторические процессы. На его взгляд, эти социологические подходы к прошлому в основном заканчивались безуспешно. При этом его интересует принципиальная возможность усилить диагностическо-прогностическую функцию социологии по отношению к современному обществу. С этой целью он стремится выяснить, с помощью каких идей, например, нарративной теории в литературоведении социальное знание могло бы устранить имеющиеся дефициты.

Книга в целом была встречена профессиональным сообществом и прессой с большим интересом. Критики позитивно оценили общий пафос Вольфганга Кнебля, надеющегося преодолеть ошибочный императив поиска «альтернативной истории», тогда как продуктивное решение может заключаться в поиске альтернативы самой «истории» в том виде, в каком она обсуждается в рамках социальных наук. Таким образом, у него проблематизации подвергаются сами объяснительные модели, широко используемые в макросоциологии. Ведь ставшие уже привычными процессуальные понятия вроде модернизации, рационализации или глобализации остаются во многом не проясненными с точки зрения критериев их применения к историческому материалу. Скепсис Кнебля по отношению к известным нарративным образцам позволяет как бы заново взглянуть на «потерянную» историю современной социальной теории. В этом смысле рецензенты отмечали вклад книги в усложнение самопонимания социологии, что – несмотря на часто резкую критику – является деятельным выражением лояльности и симпатии Кнебля к своим коллегам по цеху, как современникам, так и предшественникам.

В рамках такого рода критики социологического разума, т.е. институционализированного внутри данной дисциплины способа образования понятий, исследователь показывает, что не только при анализе далекого прошлого, но и при работе с актуальным настоящим, социология постоянно описывает свои предметы с помощью метапонятий, которые сами нуждаются в прояснении происхождения, объёма и стандартов обоснованного применения к изучаемому материалу. Хотя, казалось бы, осмысленность любых концептов должна сначала доказываться на эмпирическом материале!? Ситуация радикально усугубляется в случае применения процессуальных суперпонятий, призванных объяснить нынешнее состояние общества – от социальной дифференциации до модернизации. В. Кнебль задает в книге ряд методологически безответных вопросов: в чем действительно заключается процессуальность во всех этих понятиях? Как ее можно наблюдать эмпирически? В чем состоит ее необходимость? С ними связана двойная проблема, возникающая на пересечении исторического измерения с социальным: как возникают понятия для описания нашего настоящего? Откуда мы узнаем, как исторически возникло это настоящее?

Критика Кнеблем «социологии до истории» стремится предотвратить продолжение другими средствами того, что давно считалось научно преодоленным феноменом: историописание как философия истории. При этом структурно книга состоит из рамочного введения и двух частей. Часть I. «Социальная теория между философией истории и историзмом» включает главы 2-4. В них рассматривается влияние немецкого идеализма и историзма на дискуссии внутри социологии в первой половине 20 века. Так, в главе 2. «Не пройденные пути: завтрак в Риме и Париж 1930-х» (S. 21-53) автором выдвигается тезис, что институционализация социологии как методологически неисторической науки не являлась тогда самоочевидной и что тогда были возможны другие варианты ее развития. Глава 3. «Путь в Германию: длинный 19 век и наследие философии истории» (S. 54-99) возвращает читателя в Германию позапрошлого века, где разворачивались дискурсивные битвы между гегелевской философией истории и якобы чисто эмпирически ориентированными историками вроде Леопольда фон Ранке или Густава Дройзена. Кнебль иронично говорит о «ничье» в этом «матче» теоретических гигантов: быстро выяснилось,

что историки не могут работать совсем без историко-философских эрзац-элементов, поскольку перед ними сразу встает проблема произвольной интерпретации прошлого и непредвзятого отбора фактов. С этим же эффектом до конца непреодоленной философии истории столкнулись возникшие в конце 19 века социальные науки современного типа – это ярко демонстрирует знаменитый пример понятия «рационализация» у Макса Вебера. В главе 4. «Веймарская республика и вызов историзма» (S. 100-138) автор совершает скачек в 20 век, рисуя яркую картину интеллектуальных дебатов межвоенного периода с такими звездными фигурами, как социологи Альфред Вебер, Карл Мангейм и Норберт Элиас или философы Эрнст Блох, Макс Хоркхаймер и Вальтер Беньямин. Все они так или иначе пытались разрешить трудности, унаследованные от историзма, предложив новые подходы к научной проблематизации прошлого и феномену темпоральности. Как показывает Кнебель, по большей части эти попытки закончились провалом, приведя к новому возведению все тех же смелых историко-философских конструкций.

Часть II. «Освобождение от историзма и философии истории – так или иначе» включает три тематические главы 5-7 и заключение. В главе 5. «Вперед, не оборачиваясь: на пути к американскому модерну» (S. 139-190) предлагается экскурс в историю формирования теории модернизации, надолго ставшей в Америке дискурсивно доминирующим эрзацем философии истории при нерелексивном обращении с проблематикой социальных изменений. В качестве примера автор приводит понятие «дифференциация», сделавшее стремительную карьеру в различных теоретических направлениях (например, в теории систем). В результате дебатов вокруг понятия «модернизация» произошла своеобразная канонизация «модерна» как понятия эпохи, что лишь усилило проблемы с осмыслением социальных трансформаций и продлило скрытое существование философии истории в социологическом обличье. Глава 6. «От одной истории – к процессам» (S. 191-238) в основном посвящена 1970-1980-м годам, в ней В. Кнебель рисует картину постепенного осознания в немецкой историографии и социологии, а также у американских и французских авторов, проблематичности процессуальных понятий. В частности, речь идет о предпосылках, а также о «побочных последствиях» их применения. В последней главе 7. «На пути к релексивному обращению с «-ациями»» (S. 239-297) исследователь убеждает читателя в том, что применение масштабных процессуальных понятий почти всегда неизбежно несет с собой определенные историко-философские импликации, в которых нужно отдавать себе отчет. Он призывает социологов учиться у литературоведения, разработавшего ряд нарративно-теоретических подходов, позволяющих избежать аргументативных ловушек. Здесь же обсуждаются принципиальные вопросы соотношения каузальности и нарратива, чтобы затем на примере трех понятий – индустриализации, демократизации и индивидуализации – продемонстрировать, как может выглядеть релексивное обращение с ними. В заключении (S. 298-305) еще раз резюмируется главный пафос книги, заключающийся в попытке историзации и критики социальной теории и требовании прояснения отношения между социологией и исторической наукой.

Müller, Hans-Peter: Krise und Kritik. Klassiker der soziologischen Zeitdiagnose. – Berlin: Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft, 2021. – 419 S. – ISBN: 978-3-518-29899-2

Мюллер, Ганс-Петер: Кризис и критика. Классики социологического диагноза эпохи. – Берлин: Зуркамп Ташенбух Виссеншафт, 2021. – 419 с. – ISBN: 978-3-518-29899-2

Рецензент / Rezensent:

Олег Кильдюшов / Oleg Kildyushov

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00053>

Очередное сочинение Ганса-Петера Мюллера¹, почетного профессора общей социологии Берлинского университета имени Гумбольдта², посвящено исследованию диагностической функции современного социального знания в том виде, в каком социология как научная рефлексия модерна сложилась за последние два века истории идей и теорий. Автор исходит из того, что все «классические» социологи 19 и 20 веков по-своему пытались понять и объяснить великую трансформацию домодерного общества в известное нам общество модерна. С этой целью они искали новые теоретические и методологические пути, предлагая парадигматические рамки социально-теоретического анализа, одновременно являвшиеся яркими диагнозами современной эпохи. В качестве модельных в этом отношении в книге рассматриваются пять ключевых фигур истории мысли и пять центральных для них предметов анализа: Алексис де Токвилль (демократия), Карл Маркс (капитализм), Эмиль Дюркгейм (мораль), Георг Зиммель (культура) и Макс Вебер (рационализация). Анализируя предложенные ими способы анализа современности, социолог вписывает пять интеллектуальных портретов классиков в общую рамку концептуализации модерна. При этом он настаивает на том, что обсуждаемые ими проблемы сохраняют свою конститутивную значимость и для нас, живущих в начале 21 века.

Отличительной чертой работ профессора Мюллера является их тщательная методическая проработанность и даже повышенная дидактичность – так, он всегда отчетливо проговаривает все осуществляемые познавательные шаги, позволяя тем самым даже неподготовленному читателю двигаться вместе с ним по лабиринту истории социологической мысли. В предисловии к рецензируемой книге он также сразу проясняет реализуемую в ней аналитическую схему. В фокусе его внимания находятся три базовых тематических комплекса: 1. центральная проблема классических социологических теорий, т.е. «великая трансформация» аграрно-феодалных сословных обществ предшествующих эпох в индустриально-капиталистическое классовое общество модерна. Кратко говоря, речь идет о соотношении традиции и модерна. 2. Аналитические инструменты, разработанные классиками для решения этой проблемы, в виде предмета (социальное), понятий (общество), теорий (действия, организации и порядка), методов (понимание и объяснение). В совокупности это привело к возникновению новой дисциплины, т.е. социологии. Выражаясь языком емкой формулы, речь здесь идет о соотношении социологии и модерна. 3. Именно на этой основе – базовая постановка проблемы и научно-

¹ Краткое представление об этом выдающемся социальном ученом можно получить из нашей статьи на портале Большой российской энциклопедии: <https://bigenc.ru/c/miuller-khans-peter-5ee4b0>

² О других работах Г.-П. Мюллера см. в нашем отклике на предшествующую его работу в этом же издании: Кильдюшов О.В. Рецензия на книгу: Müller H.-P. Max Weber: Eine Spurensuche. Berlin: Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft, 2020 // Rezensionen zur internationalen Forschung zur russischen und deutschen Geschichte des DHI Moskau. 2021. Bd. 12.: https://perspectivia.net/receive/pnet_mods_00004675

теоретические подходы к ней – осуществлялся классический анализ великой трансформации, породивший критический диагноз общества, культуры и эпохи. Часто он сопровождался призывами к революции или реформам. Опять же, на языке кратких формул, речь идет о соотношении социологии и критического диагноза модерна как уникальной эпохи в культурной истории человечества.

Структурно книга состоит из 7 глав: 5 глав, посвященных классическим программам социологического анализа, разработанных в трудах Токвилля (S. 42-102), Маркса (S. 103-173), Дюркгейма (S. 174-236), Зиммеля (S. 237-286) и Вебера (S. 287-346), а также теоретически обрамляющих их введения «Социология и модерн» (S. 11-41) и заключения «Наследственное бремя социологической классики» (S. 347-378). Иллюстрируя теоретическую программатiku на примере пяти выше названных отцов-основателей современного социального знания, Мюллер одновременно указывает на их вклад в наше понимание современных обществ. Двигаясь от трансформационных проблем и трансформационного анализа, он приходит к проблемам теоретической истории и образования понятий. Таким образом – через увязывание истории идей с теорией, анализом и критикой общества модерна – он пытается продемонстрировать актуальность названных классических подходов.

При этом удобным эвристическим средством для социологической проблематизации референтных исторических событий для исследователя оказывается концепт революции: конкретно речь идет об экономической революции и возникновении капитализма, политической революции и установлении демократии, культурной революции и происхождении индивидуализма. Для него капитализм, демократия и индивидуализм описывают ту ценностную и институциональную констелляцию, которая и сегодня характерна для общественных форм западного типа (в т.ч. в других культурных регионах мира). Поэтому он уверен в том, что интенсивное изучение социологической классики позволяет нам многое узнать о нашем сегодняшнем обществе. Ведь социология как наука возникла не в безвоздушном пространстве, а скорее сама явилась продуктом упомянутой «великой трансформации», в ходе которой выкристаллизовался тот тип общества, который сегодня обобщенно именуется модерном.

Предпринятый Г.-П. Мюллером экскурс в историю дисциплины еще раз показывает, насколько молодой является социология, которая параллельно с анализируемыми ею процессами проникала в академию с конца 19-го века. В этом смысле академическая институционализация социологии сама является частью процесса общественной модернизации. Автор напоминает, что этому предшествовал внеуниверситетский период ее существования в качестве самостоятельной формы мышления об обществе. Здесь достаточно вспомнить, что такие крупные социальные мыслители как Анри де Сен-Симон, Огюст Конт и Алексис де Токвиль во Франции, Карл Маркс в Германии, Герберт Спенсер в Англии занимались социологией, не будучи при этом университетскими профессорами. Несмотря на относительно медленное и непоследовательное утверждение социологии как академической дисциплины, она с самого начала была предметно ориентирована на процессы социальных изменений, структурно являясь сопровождающим их анализом. Более того, социальное знание со своей стороны неизбежно оказывало влияние на самопонимание современных обществ, являвшихся привилегированным предметом его анализа.

Исследователь показывает, как теория, анализ и критика общества, и прежде всего содержащийся в них социологический диагноз эпохи, проникали в культуру и языковую прагматику в качестве источника просвещения, ориентации и смыслов. Этот незаметный процесс придавал социологической рефлексии значимость уникальной когнитивной метainстанции, во многом определявшей семантическое самопонимание модерна. Конечно, это происходило медленно и часто оставалось вне фокуса внимания самих затронутых, однако это не означает, что такого рода социологизация взгляда современных обществ на самих себя не имела последствий или что те были незначимыми в рамках

великой трансформации. Напротив, социальные науки современного типа выражают то, что происходит в самих обществах, вырабатывая для происходящих в режиме реального времени изменений новые понятия и теоретические объяснения. Более того, они накладывают на предмет своего анализа собственную понятийную печать, формируя тем самым самопонимание модерна в виде конкретного образа общества. Именно эта потребность современности в самопрояснении является источником диагностической функции социологии – критически интерпретируя современные общества, она помогает не просто понять и объяснить их нынешнее состояние, но и предположить возможные сценарии их развития в будущем. В этом смысле это не (с)только зеркальное, сколько программирующее отражение социального.

На конкретно-теоретическом материале классических концептов Г.-П. Мюллер реконструирует происхождение многих понятий, до сих пор входящих в наше общественное понимание и самопонимание. Достаточно привести ряд таких ключевых терминов, как *индустриальное общество* и *капитализм*, *демократия* и *индивидуализм*, *рационализация* и *солидарность*. В этом смысле продукты социологической рефлексии давно вошли в обиходный язык и применяются далеко не только социальными учеными. Уже одно это придает смысл исследованию понятийного наследия социологических классиков, наглядно демонстрируя интенсивное взаимодействие между социологией как систематическим анализом и диагнозом общества и проектом модерна как качественно новой эпохой.

Осуществленное профессором Мюллером исследование историчности социологии как специфически современной формы мышления об обществе представляет эвристический интерес именно в силу удачного сопряжения исторического и теоретического измерений процесса модернизации. Несмотря на различия в подходах как у разных дисциплин, так и у разных их представителей, общим императивом для всех диагнозов эпохи является углубление и расширение нашего понимания модерна как все еще незавершенного проекта.

1918 – das Ende des Bismarck-Reiches? / hrsg. von H. Afflerbach, U. Lappenküper. Paderborn: Brill Schöningh, 2021. – 186 S. – ISBN 978-3-506-76011-1

1918 – конец бисмарковской империи? / Под ред. Х. Аффлербаха, У. Лаппенкюхера. Падерборн: Брилль Шёнинг, 2021. – 186 с. – ISBN 978-3-506-76011-1

Рецензент / Rezensent:

Леонтий Ланник / Leontij Lannik

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00057>

Заголовок этого небольшого сборника (менее 200 страниц) статей, вышедшего с некоторым опозданием к юбилейной волне публикаций о 1918 году, более проблемно ставит вопрос, чем может показаться на первый взгляд, особенно с учетом поддержки издания фондом Отто Бисмарка. Во введении составителей и редакторов сборника дана необходимая панорама тем, побудивших провести в 2019 г. специальную конференцию, материалы которой представлены в этом издании. Состав авторов достаточно представительен (все авторы – из университетской профессуры), включая таких корифеев современной историографии как Х. Аффлербах, Й. Леонхард, Х. Мёллер.

Не считая двух вступительных статей, задающих общие рамки обсуждения круга избранных тем – авторства составителей и Й. Леонхарда, – призванных заострить сквозную для дебатов германского исторического сообщества проблему преемственности или разрыва между разными этапами истории, в сборнике 4 раздела. Первый из них посвящен такому наследию (? – это уже сам по себе дискуссионный вопрос. – Л.Л.) Бисмарка как доминирование Пруссии в рамках Кайзеррейха и его преломлению в структуре империи и взаимоотношениях германских монархий, второй – деталям низложения германских династий и дискуссионной проблеме соотношения между становлением республиканской формы правления с 1918 г. и прежней династической модели постепенной интеграции Германии, третий – процессам либерализации и парламентаризации в 1918 г. (а в действительности – в ходе всей Первой мировой войны, а то и в довоенные годы), четвертый – проблеме региональных национальных меньшинств в империи в ее «бисмарковских границах», то есть феномену построения квазимононационального государства вопреки очевидной действительности.

Содержание позволяет признать, что авторы затронули целый ряд важнейших проблем истории Кайзеррейха, по-видимому, сознательно отказавшись от некоторых аспектов ради концентрации на желаемых дискуссионных вопросах структурных изъянов объединенной Бисмарком, но далеко не интегрированной на «пути из Версаля в Версаль» (см. стр. 15-41) Германии. Это, разумеется, могло бы стать поводом для критики, ведь многим читателям показалось бы странным отсутствие специальных статей, посвященных популярным и интенсивно развивающимся (либо основательно подзабытым в конъюнктуре последних десятилетий) полям исследования, которых можно было бы ожидать, исходя из достаточно широкого заглавия. Так, в сборнике о многократно заклеянной в милитаризме державе нет статей о военных, о некогда (в период Historikerstreit 1960-70-х гг.) столь важной в анализе Кайзеррейха как особого этапа германской государственности вопроса о взаимоотношении армии и внутренней политики и вообще о проблемах развития (и кризиса) кайзеровских армии и флота и их месте с общественно-политической сфере Германской империи. Не затронута ни одним из авторов масштабная социально-экономическая трансформация полувека существования созданной Бисмарком державы, нет «истории снизу», экскурсов в проблему исторической памяти, истории повседневности,

не обсуждается еврейский вопрос, хотя есть отдельная статья о национальных меньшинствах. Перечень не трудно продолжить, однако, следует полагать, что данный выбор был сделан составителями сборника сознательно, он отражает поставленную ими перед избранным коллективом авторов задачу и стремление уйти от едва ли ценной в аналитическом плане дискуссии «сразу обо всем». С другой стороны, в ряде статей просматривается обращение к ряду примеров и аргументов из перечисленных выше и на первый взгляд «проигнорированных» тем (в статье Й. Леонхарда, например), да и хронологические рамки поставлены без излишней жесткости, ведь они не ограничиваются 1918 г. (особенно в статье Х. Мёллера о «железном королевстве» без короля).

К вступительному разделу примыкает статья Х.-К. Крауса о структурных элементах бисмарковской Германии, которая – вопреки названию – посвящена, главным образом, ключевой не только для Кайзеррейха, но и для Веймарской республики (вплоть до проведенной в начале 1930-х гг. серии волюнтаристских мер по Gleichschaltung) проблеме равновесия и взаимного положения Пруссии и империи, этому почти бесконечному поиску своего рода «золотого сечения» в проложенном Бисмарком малогерманском пути создания единого государства в самом центре Европы. Хотя автор фактически сужает заявленные тематические рамки, однако в рамках своего во многом конституционно-правового анализа он ставит и отвечает на ряд вопросов, действительно определявших жизнеспособность Второго рейха, основанного Бисмарком, а не оставлявших у него болезненные, но все же региональные и узко партикуляристские проблемы (судьба имперской земли Эльзас-Лотарингии, например, проблем примирения с элитой бывшего Ганноверского королевства и т.д.). С диагностированными структурными слабостями (стр. 57) Кайзеррейха можно лишь согласиться, хотя это едва ли убеждает в безнадежности перспектив, ведь автор не отметил ряд позитивных интеграционных тенденций, приведших к концу Великой войны в кресло рейхсканцлера баварца и баденца, а на ряд ключевых постов и других представителей Южной Германии. Тематику «Пруссия и рейх», причем выходя за хронологические рамки, продолжает статья Х. Мёллера, ставящая, в действительности, интереснейшую проблему попытки сохранить пруссачество как феномен и ядро Германии без важнейшей его монархической составляющей, что до осени 1918 г. считалось априорно невозможным, а с открывшимися с распадом Австро-Венгрии перспективами и вовсе могло привести к полному пересмотру баланса в немецком мире за счет воссоединения с республикой Немецкая Австрия. Х. Мёллер в итоге предлагает собственную и аргументированную периодизацию перехода от Пруссии бисмарковской (и монархической) к будущему разделу ее между целым рядом земель, ключевым рубежом которой стали события 1932 г. (стр. 75-76).

Последующие статьи имеют более жесткие тематические (партийные и национальные), региональные или хронологические рамки. Несколько шире выглядит постановка вопроса в статье П. Хёреса о взаимосвязи политического раскола в германском обществе и приобретшей тотальный характер Великой войны, причем многие из рассматриваемых аспектов были бы значительно уместнее в сборнике по истории Веймарской республики, а не Второго рейха. Хотя бы размер статей (и сборника в целом) предопределяет достаточно общую панораму даже по более специальным вопросам и потому позиция авторов приближается порой по тональности и жанру к дискуссии по итогам проводимой конференции, а не к строгим рамкам академической статьи, с обилием ссылок и выверенными фразами по каждому из аспектов темы. С другой стороны, это же позволяет авторам продемонстрировать действительно широкое видение проблем истории Германии, напомнить о редких источниках или особенно удачных фразах политических деятелей Кайзеррейха для эффектной иллюстрации позиции лично Бисмарка или имперских инстанций по затрагиваемым проблемам его устройства, балансировки или общественно-политического развития.

Сборник в известной степени представляет собой хрестоматию ряда к настоящему моменту базовых для истории Германской империи трудов или корпусов источников,

изданных авторами данного проекта (в т.ч. Й. Леонхарда, В. Мюльхаузена, П. Хёреса и Х. Аффлербаха), отличается сдержанным – несмотря на стремление к заострению спорных вопросов – академическим тоном и столь же компетентно-умеренным научно-справочным аппаратом. Жанр статей разнится от изложения малоизвестных сюжетов (о низложении правящих династий в мелких германских государствах, например) до обзора определенных процессов за весь период существования Кайзеррейха и размышлений эпохально-стратегического или терминологически-понятийного масштаба. «Напрашивающиеся» биографические темы – о кайзере Вильгельме II, например, или о специфике культа Бисмарка, в том числе в годы Великой войны, когда он пережил новый виток развития по случаю 100-летия Железного канцлера весной 1915 г. – обсуждаются без излишней фокусировки, а то и через призму более объективных концепций (о вильгельминизме, например).

Не вдаваясь в дискуссию с каждым автором и тем более – с общим замыслом организаторов проекта, следует признать, что этот компактный сборник безусловно полезен для ознакомления с текущим положением в целом ряде направлений германской историографии о Кайзеррейхе и его наследии, позволяет оценить преемственность или разрывы не только в истории Германии, но и в не менее непростом пути осмысления немцами своего пути к подлинно единой стране за последние 150 лет. Можно предполагать и определенные образовательно-дидактические цели издания: ряд текстов схожи с материалами для студентов, что при составе авторов скорее неизбежно, чем примечательно. Авторитетность участников конференции позволила им не ограничивать себя слишком узкими тематическими рамками или не отделяться неопределенно-нейтральными конструкциями из опасения чрезмерной конкретности позиции. Это особенно заметно по ответам авторов на главные вопросы сборника, которые можно было бы – в отсутствие общего заключения к сборнику статей – сформулировать так: «А было ли то, что потерпело военное крушение в 1918 г., империей Бисмарка, так что и причины этой трагедии восходят к структурным изъянам и ошибкам, допущенным еще при основании? Или к моменту Компьенского перемирия Второй рейх давно уже представлял собой совершенно иное государство, поэтому преемственность между Германией 1871 г. и 1918 г. следует нюансировать, а в ряде аспектов и прямо опровергнуть?» Однозначного ответа на эти вопросы, разумеется, не существует, однако это не делает дискуссии по хотя бы некоторым назревшим за десятилетия тезисам и публикации их итогов менее полезными.

Die militärische Elite des Kaiserreichs. 24 Lebensläufe / hrsg. von L. Grawe. Darmstadt: wbg Theiss, 2020. – 320 S. – ISBN 978-3-8062-4018-4

Военная элита Кайзеррейха: 24 биографии / Сост. Л. Граве. Дармштадт: Тайсс, 2020. – 320 с. – ISBN 978-3-8062-4018-4

Рецензент / Rezensent:

Леонтий Ланник / Leontij Lannik

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00058>

Сборник биографических статей о военной элите Кайзеррейха, вышедший под редакцией Л. Граве, одного из перспективных специалистов по смежной проблематике¹, является важнейшим шагом к преодолению сложившейся по итогам векового развития германской военной историографии ситуации в исследовании тех, кто принимал решения, судьбоносные не только для Германии, но и по меньшей мере для всей Центральной Европы. Во введении составитель констатирует критические лакуны в сведениях даже базового уровня о целом ряде тех военных деятелей, которые были отобраны для представления в данном сборнике, однако есть ряд оснований полагать, что он еще сравнительно мягко оценивает положение. 24 героя, что получили в рамках издания шанс напомнить о себе трудами биографов, представляют собой лишь один из срезов германской военной элиты, отражая в основном тех, кто занимал высшие посты, но далеко не всегда разрабатывал планы и добивался их реализации. Многие фигуры «второго плана», являющиеся истинными авторами многих побед или организаторами бурного развития германской военной машины, остались за кадром и на этот раз. Общую ситуацию со слабой степенью исследованности проблемы, которую до сих пор традиционно оправдывают ссылками на гибель чуть ли не всех военных архивов в бомбардировках 1945 г., характеризует несколько особенностей этого сборника, не считая самого факта уникальности его тематики для германской историографии.

Характерно, что сборник издается не под эгидой единственного научного центра Германии, где отдают приоритет военной истории, (на базе бундесвера), что только усиливает личный вклад составителя, представляющего университет Бремена. Набор авторов статей отличается сочетанием как маститых специалистов, представивших краткие версии своих трудов 20-, а то и 30-летней давности (Т. Шварцмюллер о А. фон Макензене, Х. Аффлербах об Э. фон Фалькенгайне, А. Момбауэр о Г. фон Мольтке-младшем, Й. Хюртера о В. Грёнере и т.д.), с незначительной доработкой, так и, фактически, любителей, вызвавшихся написать о тех германских генштабистах, что до сих пор не нашли своих биографов, а потому данные – достаточно сжатые (10-14 страниц) и унифицированные по объему и оформлению – очерки – стали первым опытом жизнеописания и анализа карьеры целого ряда ключевых фигур в истории Германии первой трети XX в. (например, Г. Таппена и герцога Альбрехта Вюртембергского). При таком положении с базовым уровнем историографии данный сборник не мог стать коллективной биографией военной элиты Кайзеррейха, хотя таковая настоятельно необходима, а образец исследования подобного рода относительно первых лет Второй мировой войны был дан почти 2 десятилетия назад

¹ См. его опубликованную диссертацию: *Grawe L. Deutsche Feindaufklärung vor dem Ersten Weltkrieg: Informationen und Einschätzungen des deutschen Generalstabs zu den Armeen Frankreichs und Russlands 1904 bis 1914*. Paderborn, 2017.

уже упоминавшимся Й. Хюртером², а о различного рода трудностях в методологии и переосмыслении военной истории вообще и Первой мировой войны, в частности, были написаны десятки статей и коллективных трудов, как в Германии, так и в других странах, включая США и РФ.

Следует отдельно и высоко отметить не только настойчивость организатора проекта в реализации столь явно «не модного» по тематике издания, но и его усилия по поиску авторов очень разного уровня и манеры, а также унификации общего тона и оформления статей. Крайне характерной деталью является и то, что в библиографии к каждой статье есть раздел «Неопубликованные источники», даже относительно тех военных деятелей, что все же удостоились по меньшей мере одной старой (т.е. еще 1920-1940-х гг.) и одной новой (т.е. 1970-2000-х гг.) биографии или сборника документов или мемуаров. Применительно к тем деятелям, чье архивное наследие давно утрачено или искусственно редуцировано (как у М. Гофмана) или попросту забыто после усилий самого полководца и его семьи скрыть от общественности и/или цензуры слишком опасную информацию (как у Г. Таппена, Г.Г. фон Безелера, Г. фон Куля или – у не вошедшего в число героев сборника, хотя и весьма напрасно – В. Хайе), именно эти неопубликованные, а подчас много десятилетий ожидающие своего публикатора (в фондах Военного архива во Фрайбурге, как у Ф. фон дер Шуленбурга, например) воспоминания, переписка и иные подборки материалов имеют ключевое значение. Это лишний раз иллюстрирует слабость историографии и по германской военной элите первой трети XX века вообще, и по отдельным ее представителям в частности. Примечательно, что места в сборнике о военной элите Кайзеррейха не нашлось ни одному руководителю прусского военного министерства в годы войны (после Э. фон Фалькенгайна), хотя это ведомство играло ключевую роль в оснащении армии и формировании и пополнении воинских частей. Крайне слабо – лишь Ф. фон Хиппером и Р. Шеером! – представлен и императорский флот.

Разумеется, о продолжении в XXI в. традиций «историографии Генерального штаба» в данном случае речь идти не может, более того, прослеживается попытка ревизии или существенной доработки прежних, созданных пропагандой и саморепрезентацией образов (например, относительно кронпринца Рупрехта, П. фон Гинденбурга, Г. фон Секта или П. фон Леттов-Форбека). По тональности статей, даже после очевидно значительной редактуры, можно проследить спектр отношения авторов к героям: от плохо скрываемого сочувствия и даже стремления выделить вызывающие симпатию стороны характера (как правило, плохо известные) до последовательной попытки создать иной, нежели привычный и более нюансированный, либо со смещенным фокусом образ деятеля, подчеркнув отдельные этапы его биографии, что недооценивались прежде (как у Д. Петровой относительно Г. фон Секта и роли на Балканах и в Турции). Вполне возможно, что стремление не допустить чрезмерных подробностей или превращения героя биографии в протагониста сказалось и на подборе авторов статей, ведь среди них нет ни автора единственной до сих пор и почти неизвестной биографии М. Гофмана (Т. Волльшлэгера)³, ни наиболее цитируемых биографов Э. Людендорфа и П. фон Гинденбурга, ни автора громадного труда о К. фон дер Гольце⁴. Однако это вовсе не означает снижения общего уровня сборника. Например, следует признать весьма удачной – при всей сложности поставленной задачи – попытку нового взгляда на Гинденбурга авторства М. Йонаса. Довольно убедительный и далекий от апологии образ при всей симпатии автора к генералу и военному писателю получился у Г. Крумайха относительно Г. фон Куля. В меньшей

² *Hürter J.* Hitlers Heerführer: die deutschen Oberbefehlshaber im Krieg gegen die Sowjetunion 1941/42. München, 2006.

³ *Wollschläger T.* General Max Hoffmann. Frontbeobachter, Frontführer und Frontbefürworter im Osten. BoD, 2013.

⁴ *Krethlow C.A.* Generalfeldmarschall Colmar Freiherr von der Goltz Pascha: eine Biographie. Paderborn u.a., 2012.

степени это касается биографии О. Лимана фон Сандерса, хотя относительно него достаточно критики было высказано еще современниками. Примером «игры от обратного» является увлекательная деконструкция военно-политического мифа о П. фон Леттов-Форбеке, отражающая все отличия нынешней конъюнктуры от некогда чуть ли не бесспорного милитаристского гимна подвигам в колониях. Весьма различен в сборнике уровень критического осмысления источников, простирающийся от недоверия на грани игнорирования одиозных публикаций мемуарного типа до почти беспримесного пересказа писем и рассказов генералитета о себе. Видны отличия в уровне академизма статей (особенно по научно-справочному аппарату), в стремлении сконцентрироваться на отдельных этапах биографии за счет других (возможно, плохо освещенных в источниках) периодов жизни.

Подводя общий итог высказанным замечаниям, можно только приветствовать выход данной книги, которая своими особенностями является лучшим доказательством крайней насущности продолжения работы в проложенном направлении и выхода не только дальнейших томов биографий (ведь не менее заслуживающие их деятели в военной элите Кайзеррейха насчитываются десятками), а также к переходу подобных биографических исследований на новый уровень, с созданием коллективной биографии и подлинно аналитического портрета верхушки армии и флота Германской империи (и, частично, Веймарской республики). Только так удастся добиться ликвидации зияющей лакуны по реконструкции истории военной повседневности «сверху», к чему уже прилагаются значительные усилия⁵. На таком фундаменте, сочетающем достижения классических направлений военной истории и новых подходов к жанру имперских биографий, истории повседневности и анализу источников личного происхождения возможным станет высший этап научного изучения проблемы – компаративные исследования с выводами системного характера.

С точки зрения фактологии (с поправкой на незначительные неточности у отдельных авторов) и придания новых граней образам героев данного сборника данный проект следует признать весьма удачным, особенно с учетом крайне экономного подхода к масштабу очерков. Не только любители военной истории, но и профессионалы найдут в нем массу новых для себя сведений, взаимосвязей и дополнительных деталей к до сих пор загадочным перипетиям Первой мировой войны на различных театрах военных действий. Сборник представляет собой значительную помощь любому исследователю, собирающемуся заниматься историей военной элиты Кайзеррейха и Веймарской республики, давая ценные указания по перспективным архивным фондам.

⁵ Помимо регулярных масштабных публикаций источников личного происхождения (в том числе о тех, кто входит в число 24 героев данного сборника) следует отметить: *Groß G.P. Das Große Hauptquartier im Ersten Weltkrieg*. Berlin; Boston, 2022.

Groß, Gerhard P.: Das Grosse Hauptquartier im Ersten Weltkrieg. Berlin u.a.: De Gruyter, 2022. – 304 S. – ISBN 978-3-11-078000-0

Гросс, Герхард П.: Главная квартира в Первую мировую войну. Берлин и др.: Де Грюйтер, 2022. – 304 с. – ISBN 978-3-11-078000-0

Рецензент / Rezensent:

Леонтий Ланник / Leontij Lannik

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00059>

Многие особенности, тональность и отведенное автором своей работе место становятся ясны уже по предисловию к данной монографии, где она представляется как завершение многолетних трудов Г.П. Гросса не только над данной темой, но и вообще на ниве современной военной историографии ФРГ в рамках единственного в своем роде Центра военной истории и социологии в структуре бундесвера. Это компактное, насыщенное исследование призвано закрыть центральную во всех смыслах лакуну: описать историю Главной квартиры, германской Ставки как центрального командного органа кайзеровских вооруженных сил. Диапазон затронутых в анализе тем и уровней функционирования германского Верховного Главнокомандования в годы Великой войны претендует на целостность и объемность картины, хотя и базируется, главным образом, на 5-10 поистине релевантных источниках (мемуарах глав кабинетов кайзера и некоторых офицеров Генерального штаба).

Констатируя существенные лакуны при «необозримости литературы о Ставке», (стр. 5) автор в очень сжатом виде ставит проблему, начиная иллюстративным описанием отъезда Главной квартиры на фронт. В занимающем большую часть книги разделе об организации Ставки Г.П. Гросс последовательно рассматривает различные аспекты становления, эволюции и бытия Ставки и тысяч служивших или гостивших в ней людей, показывая формирование особого и не запланированного – несмотря на, казалось бы, тщательнейшую довоенную подготовку – мира особой военной инстанции, формально фронтовой, но при этом оказавшейся крайне далекой от передовой едва ли не по всем параметрам повседневной жизни. Для наглядности всей сложности описываемого объекта и его последовательного разрастания на грани неуправляемости в издании приводится ряд ценных схем высших военных инстанций Кайзеррейха, некоторые из которых публикуются впервые либо вырваны из «историографической амнезии». На основании публицистики и накопленного благодаря усилиям целого ряда коллег массива источников личного происхождения Г.П. Гроссу удастся описать размещение Ставки, условия жизни различных ее чинов, бытовые хлопоты и особенности досуга, поводы и этики ведомственных схваток и отставок, сложные ритуалы борьбы за благоволение кайзера и неизбежность психологического давления на основных лиц, вынужденных по долгу службы оставаться вдали от семей – как простые солдаты на фронте, – но при этом испытывающих все минусы довоенной рутины и монотонности придворной жизни, словно война и не начиналась.

Составляющие Ставки, ее соотношение с реально руководившими операциями командными структурами и с многочисленными «рудиментами» неуместных в военное время, но неискоренимых составляющих императорского двора, ритм и условия работы офицеров и придворных, их статус и динамику приспособления к неожиданно затянувшейся войне – все это показано на основе различных архивных документов и мемуаров, с богатым научно-справочным аппаратом, порой даже с тщательностью, сопоставимой с описываемым рутинным распорядком дня.

Значительно живее следующий раздел, посвященный повседневной жизни, обретающей, наконец, не только уровень «снизу», из окопов, но и «с самого верха», из ближайшего окружения кайзера, его супруги (но, к сожалению, не сыновей и брата). Последовательно рассмотрены интриги как механизм воздействия и информационный протокол, способ организации (или дезорганизации) рабочего и служебного времени, а также исчезновение грани между ними, динамика состояния здоровья, – что особенно важно с учетом преклонного возраста многих ключевых акторов, – вопросы питания и организации трапез и вообще досуга, взаимоотношения в браках, прошедших суровое испытание войной даже без отправки мужей на передовую, трансформацию довоенных воззрений на религиозные верования перед постоянной угрозой смерти пусть не себе, но близким и родным.

Стремление Г.П. Гросса жестко придерживаться тематических рамок и влияние его прежней специализации именно на флотских, а не на армейских командных инстанциях¹ нередко приводят к критическому недостатку сопоставлений или умалчиванию о релевантных для анализируемых тем событиях и личностях. Упорное игнорирование «чистой военной истории» вызывает ощущение слабого знакомства с перипетиями войны на, по меньшей мере, Западном и Восточном фронтах Великой войны, на которых Главная квартира присутствовала (пусть и в глубоком тылу), так что у автора получается даже слишком субъективно-личностная картина основных процессов, личных конфликтов и кризисов в Ставке. Описание интриг и психологического давления различных факторов оказывается оторвано от действительно роковых для судьбы Кайзеррейха событий, как на фронтах, так и в Берлине (Вене или Киле, например). Так что крайне ценное и недостающее прежде «звено» в описании Кайзеррейха и его вооруженных сил в годы Великой войны оказывается почти лишено связи с уже существовавшими ранее частями единой панорамы. Диагностированная Г.П. Гроссом лакуна – и поистине во многом, по ряду параметров и аспектов жизни Ставки – действительно закрыта, однако фактически не интегрирована в ныне старательно забываемую «историографию Генерального штаба». Если до сих пор игнорировались субъективные мотивы и индивидуальная динамика многих кадровых решений (или промедления с их принятием, уклонения от ответственности), то из работы Г.П. Гросса почти невозможно рассмотреть объективную сторону того хода войны, что диктовал и бытие, и сознание чинов Ставки, при всем их – и прекрасно показанном на источниках автором – стремлении абстрагироваться от тревожащей действительности. Слабое привлечение военно-политического контекста – даже если это сознательный выбор автора – повышает его зависимость от источников и снижает возможность их фактологической критики, что усиливает впечатление столь популярных в современной историографии case-studies, хотя заявленная тема и избранный объект столь эксклюзивны, что такой подход едва ли уместен.

Едва ли возможно согласиться и с полным игнорированием автором проводившейся с начала октября 1918 г. в Кайзеррейхе «революции сверху», имевшей прямое отношение к реструктуризации военно-политического устройства империи, в связи с предусмотренной передачей контроля над военными инстанциями и бывшими кайзеровскими кабинетами рейхстагу и политическому руководству во главе с Максом Баденским. Самые строгие ограничения структурно-кадровой или ведомственно-иерархической историей Ставки такие «зоны умолчания» не оправдывают. При огромном объеме мемуаристики и вообще «генеральской» литературы многие из затронутых автором аспектов напрашиваются на дополнительные примеры, сравнения, однако автор на такую «провокацию», очевидно, не поддался.

Выводы автора подтверждают высокий профессиональный уровень исследования, отличаясь не только конкретностью оценок, но и удачными формулировками, которые делают их примечательными даже в том случае, если мнение автора дискуссионно (об

¹ См.: *Groß G.P. Die Seekriegsführung der Kaiserlichen Marine im Jahre 1918. Frankfurt/M.; Bern u.a., 1989.*

«изжившем себя конституционном устройстве Кайзеррейха», например, стр. 276) или явно ошибочно (как о том, что Вильгельм II и Альберт Бельгийский были единственными монархами, возглавлявшими Ставку в воюющих странах, стр. 277).

Подводя итог, следует признать выполненными основные задачи, что поставил себе автор, давший массу необходимых историографических опор для эвентуального нового витка военной историографии Великой войны, особенно насчет Центральных держав. Можно лишь пожелать, чтобы данный образец был воспринят и реализован с необходимыми дополнениями относительно других Верховных Главнокомандований, а постепенное обогащение источниковой базы подтолкнуло бы автора или его учеников ко 2-му, расширенному и дополненному изданию.

Pomplun, J.-P.: Deutsche Freikorps. Sozialgeschichte und Kontinuitäten (para)militärischer Gewalt zwischen Weltkrieg, Revolution und Nationalsozialismus. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2023. – 354 S. – ISBN 978-3-525-31146-2

Помплун, Я.-Ф.: Германские фрайкоры. Социальная история и проблема преемственности (пара)милитарного насилия между Мировой войной, революцией и национал-социализмом. Гёттинген: Ванденхоэк&Рупрехт, 2023. – 354 с. – ISBN 978-3-525-31146-2

Рецензент / Rezensent:
Леонтий Ланник / Leontij Lannik

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00060>

Оценить потенциальную востребованность данной книги возможно уже по заглавию: литература по социальной истории фрайкоров в международной историографии фактически отсутствует, хотя исследований различного жанра и масштаба (особенно статей) относительно роли фрайкоровцев, особенно тех из них, что воевали в 1919 г. в Прибалтике, в становлении НСДАП и различных ее военизированных подразделений более чем достаточно. Однако лишь исследование Я.-Ф. Помплуна, его опубликованная диссертация, защищенная в 2020 г., переходит от единичных показательных примеров и априорного обличительного тона к анализу генезиса и состава фрайкоров как особого социального явления в межвоенной Германии. Хотя заглавие монографии сразу же ставит проблему достаточно традиционно, однако автор строго придерживается социологической методологии, так что порой исчезает ощущение использования им исторического, а не современного материала. Это хорошо видно по распределению материала: 2-й раздел, о социальном составе, проанализированном по различным параметрам, от происхождения и профессии до возрастных и конфессиональных характеристик, занимает чуть более 100 страниц, лишь незначительно уступая по объему всем прочим трем разделам – историческому очерку о фрайкорах (крайне сжато), разделам об опыте и практиках насилия в региональной палитре и, собственно, о преемственности с национал-социализмом.

Данная особенность книги – заметное превосходство социологической составляющей над исторической – диагностирует основные достоинства и недостатки работы, однако следует сразу же подчеркнуть, что именно такие исследования, с обработкой первичных материалов и математически отточенными выводами, без претензий на их произвольную интерполяцию и на очень широкий культурно-политический контекст за счет обширной библиографии, важны для борьбы как с выстроенным нацистами мифом вокруг «борцов за национальное дело вопреки Версалью», так и с возникшим от противного последующим антимифом, который без должного анализа социальной структуры зачастую строился на априорных не только предположениях, но и обобщениях. Между тем, многие из них сравнительно легко опровергаются иным подбором единичных примеров или предвзятой фокусировкой. Достаточно указаний на прошедшие в 2010-х гг. в международной историографии дискуссии относительно истоков взрыва послевоенного насилия в 1917-1923 гг., и на попытки связать это лишь с возрастными особенностями или деталями довоенной и военной карьеры офицеров, объяснить исключительно экономическими или, наоборот, только особыми психологическими (массовой травмой национального сознания) причинами. Для исследования подобных тем социологический подход, при, по-видимому,

намеренном отказе от привлечения сколько-нибудь широкого исторического контекста, оказывается сознательным выбором ради повышения шансов на объективность выводов.

Однако немедленно дают о себе знать проблемы всякого социологического исследования и, в частности, ключевые из них: выборка материалов и уточнение параметров их анализа и общественно-политической «дешифровки». Довольно точно описывая проблему, констатируя неуместную мифологизацию и традиционно критикуя историографию ГДР (но без куда более обоснованной в силу источниковой базы критики исследователей из боннской ФРГ), автор детализирует трудности исследования фрайкоров как на источниковом, так и на статистическом и даже терминологическом уровне. Достаточно жестко подобранная библиография выделяется заметным предпочтением работам еще 1960-70-х гг., что не только оправдано их высоким качеством, но и характеризует ценность последующей историографической конъюнктуры.

Основная часть работы автора ценна не только последовательным анализом социального состава фрайкоров, но и методическим опровержением расхожих стереотипов. Так, читатели впервые узнают об участии в якобы сплошь антисемитских добровольческих отрядах евреев и поддержке этих «сил порядка» местными раввинами, о роли в некоторых из них рабочих с социал-демократическими взглядами, о неоднозначной в социальной истории категории крестьян и сельских хозяев, о конфессиональной специфике устройства и самоощущения ряда фрайкоров в ходе трансформации гражданского общества в первые годы Веймарской республики. Я.-Ф. Помплун не только вводит в оборот новые статистические данные, но и – что особенно важно – «переоткрывает» ряд забытых цифр и выводов из предшествующих этапов историографии, прилагая максимум возможных усилий по обогащению собранного им материала на групповом, а порой и на индивидуальном уровне. При описании таких болезненных аспектов как уровень и особенности практикуемого фрайкорами насилия (одной из важнейших составляющих как «героического», так и «антигероического» мифа о них) автору явно не хватает свежей статистики и источников, ведь приводимые им данные хорошо известны и давно уже не бесспорны и не целостны (например, о Прибалтике, стр. 196-205). Однако это едва ли следует считать проблемой одного исследования, а скорее особенностями источниковой ситуации на данном направлении.

Особой тщательности и своего рода гражданского мужества потребовала от автора интерпретация полученных им данных в свете проблемы континуитета и закономерности связей между фрайкорами и становлением военизированных и партийных структур НСДАП. Он справедливо указывает на иллюстративность, а не доказательность часто приводимых данных (стр. 233-235), хотя и сам придает большое значение демонстрации проведенной выборки (3-4 тысячи человек максимум, см. прилагаемые таблицы). В ходе дальнейших рассуждений о становлении нацистских структур можно было бы более нюансированно отнестись к анализу состава и эволюции СА и СС именно на ранних этапах их существования, хотя это, скорее всего, исказило бы тематические рамки задуманного исследования.

Особенности выборки и, очевидно, биографии автора сказываются на не всегда уместной регионализации рамок его анализа. Он явно недооценивает роль Восточного фронта в становлении фрайкоров, хотя появились они именно там, однако Я.-Ф. Помплун полагает, что боевые действия на Востоке окончились еще в марте 1918 г. (стр. 8), что по меньшей мере не верно. Есть и иные фразы, оставляющие желать большей точности: например, что наступления Людендорфа в 1918 г. были «безуспешными» (стр. 38). Статистические выкладки построены на южногерманском материале, что имеет некоторые основания, однако не оправдывает отсутствия хотя бы фрагментарного анализа фрайкоров на германском Востоке (не считая боев в Верхней Силезии), где они сыграли совершенно иного масштаба и последствий роль в становлении версальских границ Веймарской республики и эволюции общественно-политических настроений.

Резюмируя, следует только приветствовать выход издания этой диссертации, способной побудить к перепроверке устоявшихся оценок и стереотипов по меньшей мере на региональном уровне, а также заложить основы как для горизонтального, так и качественно более объемного исследования феномена фрайкоров в Германии, ставшего во многом образцом для многих явлений в истории не только XX, но и XXI века. Определенные намеки автора на дальнейшие компаративные исследования позволяют надеяться на развитие темы за счет переосмысления хорошо забытых прежних наработок и новых материалов и сравнительной перспективы, к чему обязывает широко заявленная тема.

Erstveröffentlichung der Rezension in deutscher Sprache auf H-Soz-Kult am 21.08.2023:
Публикация рецензии на немецком языке на H-Soz-Kult от 21 августа 2023 г.:

Sebastian De Pretto: Rezension zu: *Armiero, Marco; Biasillo, Roberta; Graf von Hardenberg, Wilko: Mussolini's Nature. An Environmental History of Italian Fascism. Translated by James Sievert. Cambridge, MA 2022. ISBN 9780262544719*, In: H-Soz-Kult, 21.08.2023
<https://www.hsozkult.de/review/id/reb-135748>

Armiero, Marco; Biasillo, Roberta; Graf von Hardenberg, Wilko: Mussolini's Nature. An Environmental History of Italian Fascism. Translated by James Sievert. Cambridge, MA: The MIT Press, 2022. – 262 S. – ISBN: 978-0-262-54471-9

Армьеро, Марко; Бьязилло, Роберта; Граф фон Харденберг, Вилько: Природа Муссолини: экологическая история итальянского фашизма (перевел на английский язык Джеймс Зиверт). Кембридж (Массачусетс), 2022. – 262 с. – ISBN: 978-0-262-54471-9

Rezensent: Sebastian De Pretto, Historisches Institut / Abteilung für Wirtschafts-, Sozial- und Umweltgeschichte, Universität Bern

Рецензент: Себастиан Де Претто, кафедра истории / Отделение экономической, социальной истории и истории окружающей среды, Бернский университет

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00061>

Еще Умберто Эко знал, что итальянский фашизм хоть и не имел своей философии, но зато имел в своем арсенале собственную риторику¹. То, как режим Муссолини позиционировал себя по отношению к природе, выражалось, таким образом, в дискурсах и практиках, посредством которых он назначил ландшафту Италии и ее колониям определенную функцию и сам вписал себя в эти пространства. Эти сложные взаимоотношения между режимом и природой изучают в своей работе, посвященной экологической истории фашизма, Марко Армьеро, Роберта Бьязилло и Вилько Граф фон Харденберг. Этот труд первоначально увидел свет в 2022 году на итальянском языке и затем, благодаря переводческой работе Джеймса Зиверта, стал доступен англоязычным читателям². Команда историков в составе трех человек исследует политическую экологию фашизма, показывая, как режим идеологически инструментализировал доступную ему природу и метаболически ее преобразовывал. При этом уже во введении авторский

¹ Umberto Eco, *Der ewige Faschismus*, 4. Aufl., München 2020, S. 22.

² Marco Armiero / Roberta Biasillo / Wilko Graf von Hardenberg, *La natura del duce: una storia ambientale del fascismo*, Turin 2022.

коллектив предупреждает, что предмет его интереса – не экологическое сознание чернорубашечников, то есть не вопрос о том, радели ли фашисты за охрану природы в русле экологической устойчивости. Скорее, авторы анализируют социоэкологические формации, которые в ускоренном темпе создавались фашистами и которые дали начало возникшим на Апеннинском полуострове и в итальянских колониях экосистемам, в основе которых лежала соответствующая идеология. Анализируя ряд конкретных случаев, исследователи на их примере рассказывают об отчасти разрушительных последствиях такой радикальной экологической политики для тех, кого она затронула, – людей, животных и их среды обитания. Им удался труд, который впервые дает обзорное представление об экологической истории итальянского фашизма, предоставляет много дополнительной информации к предыдущим исследованиям, посвященным политической экологии европейских диктатур, а также вдохновляет на дальнейшее изучение – например, Австрии, Испании или Португалии³.

Книга разделена на шесть глав, каждая из которых раскрывает тот или иной аспект дискурсов и практик фашистской экологии. Во-первых, речь идет об отношении Муссолини к природе – в том виде, как его по-разному изображали санкционированная им биография, изданная Маргаретой Сарфатти, а также другая, принадлежащая перу Ракеле Муссолини, супруги диктатора. Тогда как в первом, чуть ли не сказочном, повествовании «дуче» на фоне суровой итальянской природы и из-за противоборства с ней предстает неким фашистским светилом, второй нарратив представляет его как заботливого и нуждающегося в гармонии отца семейства, своими руками возделывающего сад на своей вилле. О том, какое место в своей системе фашистской власти Муссолини отводил природе, он сказал в 1926 году в одной из своих речей, произнесенных в Эмилии-Романье. В ней он провозгласил, что природа с ее богатствами должна подчиниться его фашистской программе: для того, чтобы Италия смогла возвыситься до великой римской державы, нужно с наибольшей производительностью как централизованно координируемый механизм эксплуатировать леса, земли и воды страны.

Исходя из этого, во второй главе авторы рассказывают об осушении болот и так называемой битве за пшеницу (1925). Хотя сложная ситуация с продовольственным обеспечением в Италии в межвоенный период и должна была в течение нескольких лет улучшиться за счет создания новых сельскохозяйственных угодий и повышения урожайности, при этом не был принят во внимание сопутствующий ущерб, который мог быть нанесен социоэкологической системе. Такую авторитарную ресурсно-сырьевую политику можно считать ранним проявлением опустошительной политической экологии режима, но в такой же степени она была и результатом экспертного знания и законов, уходящих корнями в либеральную Италию.

Ко времени до Первой мировой войны восходят и первые попытки использовать в Италии гидроэнергию, за массивное наращивание которой режим превозносил прежде всего себя. Говоря об этой теме, в третьей главе авторы уделяют внимание гидроэнергетической промышленности и обращают внимание на то, как в течение *ventennio nero* (Черного двадцатилетия – прим.пер.) богатые водными ресурсами горные долины пали жертвой автаркическим планам Рима. В конечном счете, индустриализация разветвленных речных потоков также служила эксплуататорской плановой экономике, как и осушение болот на целых территориях, причем приходилось мириться с сопутствующими разрушениями – такими, как, например, прорывы плотин. Энергию, получаемую из отечественных источников, нужно было производить и для обеспечения дорожного движения, почему и

³ Patrick Kupper, *Umweltgeschichte*, Göttingen 2021, S. 144–158.

насаждались леса, состоявшие из быстрорастущих аллогенных древесных пород, чтобы наладить массовое производство древесины для древесно-газовых генераторов. Поэтому не так удивительно, что интересы национальной лесной промышленности, что касается и этого природного ресурса, стояли выше нужд отдельных коммун или регионов.

В четвертой главе в центре внимания авторов находится не экономическое использование, а защита итальянского ландшафта и его фауны. Четыре основанные в 1920-е и 1930-е годы национальные парки имели своей целью, главным образом, пропагандировать конкретные образы природы, которые были заранее определены режимом. Однако в обоих национальных парках Гран-Парадизо и Абруццо лесная милиция, наделенная в 1934 году полномочиями от центрального правительства, как не располагала достаточными знаниями в области охраны диких животных, так и не считалась с нуждами отдельных парковых сообществ: недостаточные компенсации ущерба, браконьерство и раздача охотничьих билетов партийным кадрам сводили на нет все усилия по защите природы. В случае с национальными парками Чирчео и Стельвио, основанными в 1930-е годы, ландшафт служил кулисами для фальсификации истории в военно-героическом ключе, которую нужно было таким образом представить туристам. Управлялась идеологией также и охрана диких животных: в то время как волков, лис и орлов разрешалось отстреливать, согласно ведомственному постановлению из Рима от 1936 года требовалось охранять бурых медведей в провинции Трентино. В соответствующей петиции на имя Муссолини бурый медведь изображался как символ силы, сопротивления и победы в Альпах. К сожалению, в этой главе не упоминается, как сам диктатор относился к этому крупному хищнику и почему он оперативно высказался в его защиту. Однако, в конечном итоге, из-за противодействия властям со стороны местного населения популяция медведей в Трентино так и не смогла восстановиться. Что касается охраны птиц, здесь режим, напротив, некоторое время делал ставку на транснациональное сотрудничество и научное наблюдение, т.к. во время своих сезонных миграций перепела и воробьи должны были беспрепятственно пересекать Апеннинский полуостров.

В пятой главе авторы обращаются к колониальной истории Италии. В конце концов, фашистской экологии нужно было также подчинить природное пространство Северной и Восточной Африки, чтобы за счет высокопроизводительного аграрного хозяйства заложить основы переселенческой колонии. Однако все то, что восхваляла пропаганда режима, прибегая ко взятым в качестве образца рассказам о героях, морским путешествиям и медийно транслируемым красивым образам, не было претворено в жизнь и привело десятки тысяч переселившихся в колонию крестьянских семейств к разорению. Так же не осуществилась и идея добывать на Африканском роге благородные металлы. Несмотря на то, что предоставляемые в международном масштабе права на разведку полезных ископаемых обещали прибыльный бизнес с французскими и английскими горными предприятиями, дохода почти не было: на разведанных рудниках не оказалось в достаточном количестве ни золотых, ни платиновых месторождений, и нигде не было соответствующей инфраструктуры, чтобы вывозить благородные металлы. Таким образом, глядя ретроспективно, можно сказать, что мотивы имперской экспансии, которые предполагали захват в подчиненных колониях ресурсов, которых не хватало Италии (таких как сельхозугодья или природные ископаемые), оказались высокомерными мечтами оторванного от жизни диктаторского режима.

Наконец, в последней главе речь идет о том, какие следы фашизм оставил в мемориальном ландшафте республиканской Италии. Из-за того, что долгое время после окончания Второй мировой войны культура памяти о фашизме была вытеснена из общественного обсуждения, а позже вокруг нее велись ожесточенные дебаты, изначальный

коммуникативный месседж многочисленных памятников оказался стерт, да так что вплоть до настоящего времени историкам, а зачастую и активистам снова и снова приходится публично требовать, чтобы диктатура Муссолини была подвергнута критическому осмыслению. При этом, однако, остается открытым вопрос, в какой мере фашистская символика власти кроется не только в монументах, но, возможно, и в созданной режимом инфраструктуре – крупных водохранилищах, электросетях или же путях сообщения, ведь, в конечном счете, при регулировке и организации таких распределительных сетей по-прежнему не избавиться от того, что им внутренне присуще то соотношение сил, которое имело решающее значение при их планировании. Понятно, что настолько комплексно авторы не исследуют фашистский ландшафт Италии, но дают занимательные идеи для его дальнейшего изучения.

Эта познавательная книга завершается выводом, что Муссолини и его приспешники с самого начала восхваляли ландшафт, сконструированный в соответствии с их картиной мира, не придавая природе как таковой какого-либо значения. Они действовали и творили в рамках своей политической экологии, в соответствии с которой они подчиняли окружающий мир подходящим для их цели нарративам якобы возрождающейся империи. При этом речь шла вовсе не о том, чтобы охранять экосистемы, но чтобы в борьбе против оказывающей сопротивление природной среды их занять, захватить и эксплуатировать. Победивший окружающую среду фашистский человек должен был с ней слиться, когда она бы сдалась, им покоренная. Определенно, здесь речь шла отчасти о технократическом мировоззрении эпохи высокого модерна, к которой республиканская Италия поначалу относилась, равно как многие другие нации после 1945 года. Задаваясь вопросом, как так получилось, что мы с таким агрессивным восприятием природы «приехали» сегодня в климатический кризис, авторы демонстрируют актуальность книги в наши дни. Предоставляя читателю возможность комплексно ознакомиться с экологической историей фашизма, книга являет собой не только великолепно разработанное исследование, посвященное одному европейскому диктаторскому режиму, но также призыв к критической рефлексии о том, как мы сегодня хотим воспринимать окружающий мир и взаимодействовать с ним.

Перевод с немецкого: Елена Брагина (Elena Bragina)
Редакция перевода: Кирилл Левинсон (Kirill Levinson)

Erstveröffentlichung der Rezension in deutscher Sprache auf H-Soz-Kult am 03.07.2023:
Публикация рецензии на немецком языке на H-Soz-Kult от 03 июля 2023 г.:

Eva-Maria Stolberg: Rezension zu: *Bruno, Andy: Tunguska. A Siberian Mystery and Its Environmental Legacy. Cambridge 2022. ISBN 9781108840910*, In: H-Soz-Kult, 03.07.2023
<https://www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-131026>

Bruno, Andy: Tunguska. A Siberian Mystery and Its Environmental Legacy. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – 304 S. – ISBN: 978-1-108-84091-0

Бруно, Энди: Тунгусский феномен: сибирская загадка и ее последствия для окружающей среды. Кембридж, 2022. – 304 с. – ISBN: 978-1-108-84091-0

Rezendent: Eva-Maria Stolberg, Bochum

Рецензент: Ева-Мария Штольберг, Бохум

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00062>

Исследование Энди Бруно, посвященное Тунгусскому феномену 1908 года, находится на стыке трех научных направлений – экологической истории, истории техники и истории науки. К тому же оно вносит важный вклад в изучение истории Сибири и роли, которую играет/играла в российской/советской истории науки эта природная территория, которую часто определяют как «фронтир»¹. С Сибирью связаны многочисленные мифы, которые, прежде всего в советское время, имели идеологическую окраску. Один из таких мифов относится к космическому явлению, имевшему место в районе реки Подкаменная Тунгуска в тогдашней Енисейской губернии² Российской империи. Применительно к периоду с 1908 по 2018-2019 гг. (в этом году Энди Бруно провел самостоятельные полевые исследования в Государственном природном заповеднике Тунгусский, центральная усадьба которого находится в поселке Ванавара) автор убедительно показывает взаимосвязанность, а порой и смешение опирающейся на факты естественной науки (в частности, астрономии и геологии) и эмоционально окрашенной псевдонауки. Формулируя цели и задачи своего исследования, Бруно ставит в его основу вопрос, каким образом феномен, необъяснимый с позиции естественных наук, располагает к возникновению фантастических конструкторов и демонстрирует границы производства достоверного научного знания. На примере Тунгусского феномена обращает на себя внимание активно дебатированный конфликт между

¹ Alan Wood, *Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991*, London 2011.

² У автора ошибка: Енисейская губерния названа "западносибирской", хотя на самом деле это лишь западная часть Восточной Сибири (прим. ред.)

методологией и мифологией³. Тем не менее, рецензент приветствовала бы, если бы автор рассмотрел явление Тунгусского метеорита в историческом контексте русской космологии (*русского космизма* – прим. авт.), которая берет свое начало в славянофильском течении общественной и философской мысли в XIX в. и которая приписывала русской нации особую космическую миссию⁴. В исследовании автор рассматривает царское и советское время, но также указывает, что в современной постсоветской России псевдонаучные теории заметной роли уже не играют.

Около 7:15 утра 30 июня 1908 г. на расстоянии примерно в 65 километров от фактории Ванавара упал астероид, вследствие чего прогремело несколько мощных взрывов. На территории в 2000 км² вырвало с корнем приблизительно 60 миллионов деревьев. Это космическое событие, как показывает Бруно на основании обширного архивного материала, дало повод к многочисленным спекуляциям среди ученых и исследователей-любителей. Было неясно, шла ли речь об астероиде или же о метеорите: определить различие здесь непросто, поскольку отличительные характеристики того и другого до сих пор четко не определены. Согласно фундаментальным работам по астрономии, астероиды – это «каменные остатки из эпохи формирования планет», тогда как метеориты – «каменные остатки солнечной прототуманности». К тому же, метеориты могут представлять собой обломки астероида⁵. К моменту столкновения указанного небесного тела с землей почти ничего не было известно об астероидах и метеоритах, об их происхождении и составе, а также об их разрушительных последствиях для окружающей среды. Бруно справедливо говорит здесь о «ландшафте загадки» (англ.: *landscape of mystery*). Единственными свидетелями этой космической катастрофы были кочевники-эвенки, пасшие северных оленей: они интерпретировали взрывы как гнев одного из божеств. В русской культуре Тунгусский феномен стал излюбленной темой для оккультистов. Как доказывает в своей работе Бруно, такие факторы, как удаленность региона, его низкая заселенность и отсутствие современной инфраструктуры коммуникаций, привели к тому, что в последние годы Российской империи сформировались легенды о Тунгусском феномене. Согласно Бруно, распространенная среди коренного населения, которое наблюдало падение небесного тела, апатия указывает на то, насколько уязвим человек перед лицом экологических и социальных последствий космической катастрофы. В отличие от эвенков, их русские современники истолковали ее в контексте широко распространенного оккультизма как предзнаменование распада Российской империи. Это было время после поражения в русско-японской войне 1904–1905 годов и после революции 1905 года, когда в обществе уверенность в будущем государства была поколеблена. Тунгусский феномен 1908 года означал надвигающийся апокалипсис, стал темой, за которую ухватилась региональная сибирская пресса и освещение которой скорее посеяло панику среди людей, чем просветило их.

Систематически изучать Тунгусский феномен ученые начали только в 1920-е и 1930-е годы. Для советской науки это были бурные десятилетия, которые ознаменовались подъемом энтузиазма и сталинскими репрессиями. Первая экспедиция в район падения небесного тела была отправлена в 1927 году, возглавлял ее геолог и исследователь метеоритов Леонид Кулик. Нужно отметить, что Энди Бруно подчеркивает, насколько ход

³ Vladimir Rubtsov, *The Tunguska Mystery*, Dordrecht, New York 2009; Solvejg Nitzke, *Die Produktion der Katastrophe. Das Tunguska-Ereignis und die Programme der Moderne*, Bielefeld 2017.

⁴ Baasanjav Terbish, *State Ideology, Science, and Pseudoscience in Russia. Between the Cosmos and the Earth*, London 2022.

⁵ Jeffrey Bennett u.a. (Hrsg.), *Astronomie. Die kosmische Perspektive*, München 2010, S.541.

и успех экспедиций зависел от личностей исследователей. Благодаря упорству отдельных ученых, таких как Леонид Кулик и другие, удалось преодолеть препоны советского бюрократического аппарата в науке. Для Кулика экспедиция стала поводом заложить основы изучения метеоритов в Советском Союзе. Шесть лет пришлось ждать Кулику, пока он получил разрешение начать экспедицию, т.к. после Гражданской войны советские научные учреждения были хронически недофинансированы и идею организовать научную экспедицию в удаленный и практически лишенный инфраструктуры регион встречали скептически. Организационная, а также финансовая поддержка пришла со стороны Комитета Севера (Комсев), учрежденного в 1924 г. при ВЦИК СССР с целью освоения северных окраин РСФСР. Предоставляя такую помощь, партийное руководство надеялось, что в рамках одной экспедиции ему удастся форсировать развитие советской инфраструктуры среди эвенкского населения. Бруно удастся продемонстрировать зависимость ученых от советских институций, а также соперничество и личные интересы вовлеченных в эту сферу акторов. Таким образом, бюрократические процедуры и дух первопроходства, присущий единичным личностям (ученым), оказываются несовместимы друг с другом. Примечательно, что Леониду Кулику, руководившему экспедицией, удалось привлечь к своему «тунгусскому» проекту внимание прессы, которая развернула в его поддержку кампании, оказывавшие влияние на читательскую аудиторию. За счет этого планировалось, прежде всего, оказать давление на Академию наук.

Как и в других областях советской науки, в среде ученых, занимавшихся Тунгусским феноменом, разгорелся ожесточенный спор между представителями различных теорий, что в разгар сталинизма привело ко взаимным доносам. Научная конкуренция, зависть и личная вражда способствовали этому. Как убедительно доказывает Энди Бруно, в период сталинских репрессий советское общество было охвачено сенсационализмом и увлекалось всем таинственным. При сталинизме оккультизм продолжал существовать, не в последнюю очередь «подпитываясь» Тунгусским феноменом. Впечатляющим примером этого может послужить творчество советского писателя-научного фантаста Александра Казанцева, который считается основателем советской уфологии. Он объясняет Тунгусский феномен 1908 года крушением внеземного, приводимого в действие ядерным двигателем космического корабля. Это неслучайно, ведь в 1930-е и 1940-е годы все были одержимы идеей атома и ракетостроения. Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки американскими войсками и вызванные ими громадные разрушения способствовали дальнейшему распространению гипотезы Казанцева, которую в т.ч. растиражировала международная пресса, в частности, газета The New York Times. Полет фантазии зарождавшейся популярной уфологии, устремленный в космос, послужил, помимо прочего, наведению культурных мостов между Советским Союзом и США в условиях Холодной войны. Кроме всего прочего, Энди Бруно показывает, что в последние годы сталинской диктатуры научно-фантастическая литература не подвергалась цензуре. В первые десятилетия после окончания Второй мировой войны космическое событие 1908 года стало излюбленной темой в советской популярной культуре, среди прочего, в фильмах и комиксах, основная целевая аудитория которых, помимо взрослых, была молодежь. Именно во времена общественных потрясений в советском обществе процветало увлечение всем паранормальным. Автору удалось продемонстрировать, как на протяжении долгого времени космическая катастрофа мощно воздействовала на общество и науку, - а именно, когда в отсутствие надежных научных знаний образовавшийся вакуум занимает псевдонаука.

Перевод с немецкого: Елена Брагина (Elena Bragina)
Редакция перевода: Кирилл Левинсон (Kirill Levinson)

Erstveröffentlichung der Rezension in englischer Sprache auf H-Soz-Kult am 16.08.2023:
Публикация рецензии на английском языке на H-Soz-Kult от 16 августа 2023 г.:

Dagomar Degroot: Rezension zu: *Pfister, Christian; Wanner, Heinz: Climate and Society in Europe. The Last Thousand Years. Bern 2021. ISBN 9783258082349*, In: H-Soz-Kult, 16.08.2023 <https://www.hsozkult.de/review/id/reb-112680>

Pfister, Christian; Wanner, Heinz: Climate and Society in Europe. The Last Thousand Years. Bern: Haupt Verlag, 2021. – 397 S. – ISBN: 978-3-258-08234-9

Пфистер, Кристиан; Ваннер, Хайнц: Климат и общество в Европе за последнее тысячелетие. Берн, 2021. – 397 с. – ISBN: 978-3-258-08234-9

Rezensent: Dagomar Degroot, History, Georgetown University

Рецензент: Дагомар Дегроот, Джорджтаунский университет

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00064>

Поскольку мир продолжает нагреваться, увеличивается количество исторических исследований, посвященных тому, как люди в прошлом реагировали на изменения климата, включая те из них, которые были вызваны силами природы до начала индустриализации. Многие «климатические» историки ставят себе целью не только предоставить более достоверную или более интересную картину прошлого, но также с пользой поразмышлять о вероятных последствиях современного потепления. В своей работе «Климат и общество в Европе» Кристиан Пфистер и Хайнц Ваннер умело обобщают некоторые из своих наиболее важных результатов исследования и объясняют, почему они сегодня важны.

Долгое время в центре внимания истории климата находилась Европа в течение последнего тысячелетия. Есть много причин, почему: например, в Европе легко найти доказательства изменения климата в прошлом – и не только потому, что многие европейские архивы богато укомплектованы документами, в которых фиксировались погодные показатели. Континент также изобилует природными архивами, которые полны косвенных источников (например, годовые кольца у деревьев), которые после бережной интерпретации могут точно показать, как климатические изменения влияли на условия среды в региональном или локальном масштабе. Кроме того, изменения климата, которые происходили по естественным причинам до наступления индустриализации – наиболее важным из них является Малый ледниковый период (МЛП), примерно между XIV и XIX веками – существенно меняли температурные показатели в Европе на десятилетия подряд, и это развитие было таким, что его не всегда легко проследить на других континентах.

Итак, в то время как ученые из других научных областей определяют, как общество отвечало на изменения климата по всему миру, историки климата до недавнего времени были сконцентрированы на Европе. Примерно на протяжении пяти десятилетий географ и историк Кристиан Пфистер был и остается корифеем своей области науки. Начав в 1970-е, он разработал методы, которыми до сих пор пользуются для определения или «реконструкции» климатических изменений с использованием документальных источников и для установления того, как изменения климата влияли на человеческую деятельность. Тем временем географ и климатолог Хайнц Ваннер занял лидирующие позиции в палеоклиматологии – разделе климатологии, занимающемся прошлым, – и в конечном счете основал организации, некоторые из которых стали ведущими в своем деле – поддержке усилий по реконструкции климата с использованием природных архивов. Вместе Пфистер и Ваннер идеально подходят для исследования влияния климатических изменений на континенте в течение нынешнего тысячелетия – предмет, который чаще всего занимал и занимает историков климата.

Научный тандем Пфистера и Ваннера способствует тому, что их «Климат и общество в Европе» выделяется на фоне многих других попыток изучить, как на протяжении истории люди реагировали на изменения климата (включая кучу недавно вышедших книг, которые охватывают своим повествованием значительно больший временной и пространственный промежуток, но исследуют вопрос с гораздо меньшей достоверностью). Историкам климата бывает трудно достоверно интерпретировать реконструированные климатические условия, поэтому они пришли к ошибочному выводу, что периоды, такие как МЛП, были сопоставимы с недавним потеплением по величине или глобальному охвату. Ученые-естественники между тем зачастую слишком горят желанием объединить корреляцию и каузальность в своих исследованиях, в которых отождествляются совпадающие по времени климатические и социальные изменения. Соавторство помогает уменьшить вероятность таких грубых ошибок, так что неудивительно, что Пфистер и Ваннер преимущественно рассматривают изменения в обществе и климате с одинаковой и необычной скрупулезностью.

То, что авторы равномерно распределяют свое внимание таким образом, также означает, что в «Климате и обществе в Европе» богато представлены такие темы: как можно реконструировать климат (с использованием «особых статистических техник»); как функционирует климатическая система Земли (со всеми «нелинейными взаимодействиями», отвечающими за ее сложную стохастическую вариабельность), и почему происходят изменения (до недавнего потепления – из-за совокупности различных «принудительных факторов») (с. 35-111). Работа изобилует графиками, картами и аббревиатурами – все они порадуют специалистов и их студентов. Тем не менее, другие историки могут счесть такую степень детализации излишней (не говоря уже о широкой аудитории). Кого-то из читателей может также сбить с толку то, что авторы имеют обыкновение передвигаться взад и вперед по временной шкале, переходя периодически от одной дисциплины или темы к другой.

В книге также есть места, где структура книги такова, что у читателей может сложиться ложное впечатление об изменениях климата в прошлом. Например, судя по тому, как в книге изначально описывается климат Северного полушария на протяжении прошлых двух тысяч лет, изначально можно предположить, что его историю можно аккуратно разделить на пять четких «подпериодов». Последний из них – это, конечно, продолжающийся по сей день период экстремального потепления, вызванного человеческим фактором. Что касается четырех остальных, для двух из них («Римский период потепления» и «Средневековый период потепления») было характерно потепление

из-за «доминирования спокойного и стабильного Солнца и отсутствия сколько-нибудь сильных вулканических явлений» (с. 49), тогда как два прочих («Средневековое похолодание» и МЛП) характеризовались похолоданием.

Историки климата сразу распознают такую периодизацию, хотя они и могут использовать другие термины для периодов потепления и похолодания (например, «Римский климатический оптимум» или «Позднеантичный малый ледниковый период»). И все же они, в первую очередь, могут усомниться в тезисе (который наиболее четко демонстрирует одна особенно наглядная таблица), что климатические режимы гладко переходили от одного состояния к другому приблизительно одновременно по всему Северному полушарию. Они с самого начала могут поинтересоваться, почему авторы книги четко не объясняют, что мы имеем все более и более точные свидетельства для недавних климатических периодов (таких как МЛП), чем для более ранних. Например, недостаточно сведений для того, чтобы сделать вывод о том, что Римский климатический оптимум действительно затронул все Северное полушарие или большую часть его.

Вероятно, многие студенты, прибегая к этой книге, будут использовать только информацию в ее начале, где описано изменение климата за последние два тысячелетия. Однако те, которые будут читать дальше, – несколько сотен страниц, – откроют для себя изобилие существенных деталей: например, о сезонности климатических изменений прошлого или о том, как по-разному проявлялись такие изменения от региона к региону. Особенно полезным для них будет понятие «Бореальный малый ледниковый период» – МЛП, который в большей части Северного полушария проявился по-другому и длился дольше, чем в других местах. Поэтому важно, чтобы преподаватели поощряли своих студентов прочитать книгу целиком, чтобы у тех не сложилось ошибочное или неполное понимание того, как менялся и меняется климат в Европе.

В любой книге, если она охватывает временной промежуток в 2000 лет и рассматривает на протяжении этого времени целый континент, неизбежно приходится упрощать сложную реальность прошлого. Особенно это относится к книге, авторы которой уделяют равное внимание климатической науке и климатической истории. Тем не менее, в тех пассажах, где авторы делают такие выводы, как, например, что «XVIII век был избавлен от длительных неблагоприятных климатических ситуаций» или что «теплый временной промежуток между 1718 и 1739 годами дал начало третьей волне роста численности населения» (с. 294), они явно пожертвовали достоверностью ради простоты и ясности. Похожие предложения в других местах книги означают, что «Климат и общество в Европе» лучше всего подходит как путеводитель по климатической реконструкции и как введение в историю климата, нежели как всестороннее исследование.

Тем не менее, Пфистер и Ваннер мастерски создали бесценный ресурс – относительно емкое издание, которое хорошо могло бы дать толчок новой волне в преподавании и исследовании влияния изменений климата на историю Европы. Для студентов таких направлений, как климатология или история окружающей среды, книга послужит солидным введением в эту быстро развивающуюся и приобретающую все большее значение научную область.

Перевод с английского: Елена Брагина (Elena Bragina)
Редакция перевода: Кирилл Левинсон (Kirill Levinson)

Erstveröffentlichung der Rezension in deutscher Sprache auf H-Soz-Kult am 30.06.2023:
Первая публикация рецензии на немецком языке на H-Soz-Kult 30 июня 2023 г.:

Christina Wessely: Rezension zu: *Renn, Jürgen: Die Evolution des Wissens. Eine Neubestimmung der Wissenschaft für das Anthropozän*. Berlin 2022: Suhrkamp Verlag ISBN: 978-3-518-58786-7; 1072 S., In: H-Soz-Kult, 30.06.2023
<https://www.hsozkult.de/searching/id/reb-134359>

Renn, Jürgen: Die Evolution des Wissens. Eine Neubestimmung der Wissenschaft für das Anthropozän. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2022. – 1072 S. – ISBN: 978-3-518-58786-7

Юрген Ренн: Эволюция знания. Новое определение науки для «Антропоцена». Берлин: изд-во «Суhrкамп», 2022. – 1072 с. – ISBN: 978-3-95558-307-1

Rezensent: Christina Wessely, Institut für Geschichtswissenschaft und Literarische Kulturen, Leuphana Universität Lüneburg

Рецензентка: Христина Весели, Институт исторических наук и литературы, Люнебургский университет Леуфана

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00066>

Представление о том, что мы живем в кризисную эпоху, определяет социальное самовосприятие современности. Кризисы уже давно перестали восприниматься как какие-то отдельные события, исключения или переходные периоды – решающие моменты, которые влекут за собой изменения к лучшему или худшему и вслед за которыми обычно наступает безмятежный период. Кризис, скорее, предстает как перманентное состояние. Особое место в ряду других занимает экологический кризис, сочетающий в себе изменение климата, утрату биоразнообразия и общую нехватку ресурсов в условиях все более резко расходящегося мирового курса. Преобладание экологического суперкризиса особенно очевидным становится в результате его распространения на целую геологическую эпоху, получившую название «антропоцен».

В сложившейся ситуации гуманитарные науки также вынуждены переосмысливать свою роль и заново подтверждать свою значимость. На них, как мы всё чаще слышим в настоящее время, лежит моральная и политическая ответственность, требующая отказаться от привычной для них с самого начала отстраненности от мира и от настоящего, и занять позицию вмешательства, ориентированного на будущее.

Юрген Ренн в своей книге «Эволюция знания», вышедшей теперь и на немецком языке, а впервые опубликованной на английском издательством Принстонского университета в 2020 г., вписывает в этот дискурс историю науки – дисциплину, которой он так активно и успешно занимается с момента вступления в должность директора берлинского Института истории науки Общества им. Макса Планка в 1994 г.: для истории знания «антропоцен» – это не что иное, как «окончательный контекст» (S. 9) и в то же время «испытание на прочность» ее (будущего) значения.

Для Юргена Ренна «антропоцен» это не столько предмет исторической рефлексии, рассматриваемый с точки зрения его «сотворенности», его политических и культурных аспектов или связанной с ними политики эпохальности, сколько историческая

конstellация, которой предстоит противостоять совместными усилиями человечеству в целом и науке в частности.

Новая геологическая эпоха в немалой степени затрагивает вопросы эпистемического характера и таким образом подпадает под компетенцию истории науки, «ведь наша дилемма в период антропоцена является также результатом знаний, накопленных человечеством за последние тысячелетия» (S. 302). Несмотря на это, сама дисциплина, по мнению Ренна, до сих пор не отличалась хорошими показателями: «Научно-технические знания доминируют в нашей повседневной жизни, а выживание человечества в эпоху антропоцена напрямую зависит от разумного применения научно-практических разработок, однако мейнстрим нынешней истории науки практически не вносит своего вклада в эти дискуссии. Возможно ли это изменить?» (S. 23)

«Эволюция знания» пытается дать пространственный ответ на этот вопрос. Как утверждает Ренн, история науки должна играть активную и заинтересованную роль «в повседневной деятельности, направленной на превращение антропоцена в пригодную для жизни человека среду» (S. 24). Впрочем, этого, продолжает он, нельзя достичь с помощью рефлексивных упражнений, находясь в безопасной башне из слоновой кости» (там же). Хотелось бы, чтобы в таком заявлении – независимо от того, соглашаться с ним или нет, – можно было обойтись без использования избитого метафорического выражения «башня из слоновой кости», поскольку именно исследования в области истории науки, прежде всего, опровергли представление о том, что гуманитарные науки далеки от мира и враждебны его применению; кроме того, в Институте истории науки Общества им. Макса Планка была проделана огромная работа по праксеологии гуманитарных наук и их социальных «применений».

Ренн со всей очевидностью раскрывает методологические и теоретические последствия, к которым ведет ориентация истории науки на вызовы современности: для этого в равной степени не подходит как история науки, изложенная в виде последовательности эпистемических вещей, так и деконструкция больших традиционных нарративов, и небольшие исследования по истории науки, построенные на акторно-сетевой теории, которые наделяют агентностью не только человеческих, но и нечеловеческих акторов. Ренн выступает против этих позиций в пользу гораздо более масштабной, подчеркнута гуманистической истории науки, где особое внимание уделяется социальному и экономическому аспектам знания. Она сотрудничает с другими научными дисциплинами, и ее следует понимать, прежде всего, как часть гораздо более масштабной – как в пространственном, так и во временном отношении – истории человеческого знания.

Ввиду данной методологической перспективизации привлекательным было бы последовательное изложение этой истории с позиции материалистической истории науки (которая, таким образом, была бы создана заново), поскольку Юрген Ренн прокладывает ряд путей, ведущих в этом направлении и являющихся одними из наиболее интересных аспектов книги: так, например, «Эволюция знания», о которой подробно говорится во введении «История создания этой книги», также следует понимать как результат диалога, длившегося десятилетиями. Хотя данный диалог, как вспоминает один из его участников Вольфганг Лефевр, «не имел ничего общего с остальной историей науки в Германии и мире»¹, однако сыграл неоценимую роль в формировании понимания Ренном истории науки. В центре этого диалога оказались интеллектуалы, для которых понимание исторической эпистемологии было или остается воспитанным на диалектическом материализме: среди них Питер Дамеров, Питер Маклафлин и Вольфганг Лефевр, а также Гидеон Фройденталь и почти забытый религиовед Клаус Хайнрих, полное

¹ Mathias Grote / Anke te Heesen / Wolfgang Lefèvre, Bausteine zu einer Oral History der Wissenschaftsgeschichte. Wissenschaft als Arbeitsprozess. Interview mit Wolfgang Lefèvre, in: Berichte zur Wissenschaftsgeschichte 45 (2022), S. 265–280.

собрание сочинений которого публикуется в издательстве *ça ira Verlag*. Большая заслуга Юргена Ренна заключается в том, что вышеупомянутым авторам отведено в его книге особое место и тем самым предлагается повторное прочтение их текстов в контексте «забытых традиций истории науки», которым в книге посвящен отдельный экскурс (S. 132–136). В связи с растущим интересом к новейшей истории науки в контексте политических потрясений после 1989 г. и стремительной карьерой культурологии в немецкоязычных странах в 1990-е годы, которая сопровождалась вытеснением историко-материалистических эпистемологий, данное авторское предложение вызвало интерес у читателей, которые хотели бы видеть его более подробным.

Эволюция человеческого знания рассматривается в пять приемов, которым посвящены пять частей книги: в первой части рассматривается «двойственный характер знания», то есть «сила, которую оно дает нам, а также его проблематичные, иногда непреднамеренные последствия» (S. 75). Вторая часть посвящена исторической природе мышления (где особое место занимает объяснение возникновения абстрактных понятий), а также вопросу об архитектуре различных систем знания и динамике, которой они подвержены. В третьей части Ренн рассматривает свою центральную концепцию «экономику знаний», с помощью которой он описывает «сплетение общества и знаний» (S. 303). Четвертая часть посвящена процессам циркуляции и глобализации знания, причем история глобализации знания изложена весьма обстоятельно и связана с различным происхождением естественных наук. Наконец, пятая глава включает в себя заявленную еще в заголовке перспективную программу «переопределения науки для антропоцена».

Соотношение между историей науки и наукой в единственном числе не совсем понятно. Если основное утверждение этого переопределения состоит в том, что «наука должна вновь ориентироваться на вызовы человечества» (S. 802), то история науки, к которой Ренн предъявляет аналогичное требование, предстает как *часть* этой единой, интегративной науки. Тогда исследования в области истории науки перестанут пониматься как *критика* науки (наук), ее нарративов и практик, ее репрезентаций, ее понятий и историографий. Вместо этого она хотела бы – и *должна*, следуя Ренну, – перестать дистанцироваться от науки во имя их общей цели – совместной глобальной ответственности. И пока, к сожалению, остается открытым вопрос о том, как такое единение с тем, что Макс Хоркхаймер называл «традиционной теорией», вписывается в традиционные линии материалистической истории науки, на которые неоднократно ссылается Юрген Ренн.

В любом случае очевидно, что такая программа, завершающаяся призывом впредь почаще «обращать внимание на эсхатологические аспекты науки», иными словами на ее способность конкретизировать представления о наступлении грядущего мира и тем самым «укреплять его ориентирующую роль проводника в находящемся под угрозой мире, будущее которого зависит от нее», действительно означало бы смену парадигмы в современной истории науки – в том числе и потому, что такая программа коренным образом изменила бы отношения между историей науки и научными дисциплинами. Для историков книга будет интересна тем, что в ней представлена (иногда провокационная) оценка современной ситуации, необходимость которой возникла после большого бума 1990-х и 2000-х гг. и интеграции перспектив истории науки практически во все гуманитарные дисциплины. Представляется совершенно очевидным, что в проекте Ренна истории науки, несмотря на его утверждения о ее высокой важности, отводится лишь роль прикладной вспомогательной дисциплины, помогающей точным наукам при решении огромных задач, встающих перед человечеством. Время покажет, действительно ли будущее – за такой историей науки.

Перевод с немецкого: Наталия Алушкина (Natalia Alushkina)
Редакция перевода: Кирилл Левинсон (Kirill Levinson)

Erstveröffentlichung der Rezension in deutscher Sprache auf H-Soz-Kult am 11.01.2023:
Публикация рецензии на немецком языке на H-Soz-Kult от 11 января 2023 г.:

Julia Hauser: Rezension zu: *Samanta, Samiparna: Meat, Mercy, Morality. Animals and Humanitarianism in Colonial Bengal, 1850–1920. Oxford 2021. ISBN 978019012913*, In: H-Soz-Kult, 11.01.2023 <https://www.hsozkult.de/searching/id/reb-97411>

Samanta, Samiparna: Meat, Mercy, Morality. Animals and Humanitarianism in Colonial Bengal, 1850–1920. Oxford: Oxford University Press, 2021. – 271 S. – ISBN: 978-0-19-012913

Саманта, Самипарна: Мясо, милосердие, моральность: животные и гуманизм в колониальной Бенгалии. Оксфорд, 2021. – 271 с. – ISBN: 978-0-19-012913

Rezensentin: Julia Hauser, Fachbereich 05 Gesellschaftswissenschaften, Universität Kassel

Рецензент: Юлия Хаузер, отделение 05 «Общественные науки», Кассельский университет

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00065>

За последние два десятилетия в гуманитарных науках на фоне климатического кризиса выросло значение исследований отношений человека и животных¹. Поэтому работа Самипарны Саманты, в основу которой положена ее диссертация, посвященная «Калькуттскому обществу предотвращения жестокого обращения с животными» (англ.: „Calcutta Society for the Prevention of Cruelty to Animals“ (CSPCA), далее: Калькуттское общество)² и в которой она исследует, как с середины XIX до первых лет XX века в колониальной Бенгалии обращались с животными, может быть интересна специалистам, занимающимся исследованиями не только Южной Азии. Работа Саманты находится на стыке таких научных направлений как история колониализма, история науки, история окружающей среды и исследования отношений человека и животных. Ученые, работающие в последней сфере, часто изучают, как исторически конструировались такие, казалось бы, противоположные, фактически же комплементарные категории как «человек» и «животное». Соответственно, главным тезисом автора является мысль, что дебаты по теме обращения с животными в колониальной Бенгалии отражали «классовые различия и расовые страхи колониального общества» (с. 5).

¹ Чтобы получить обзорное представление о новейших тенденциях в исторических исследованиях, посвященных изучению человека и животных, см. Mieke Roscher / André Krebber / Brett Mizelle (Hrsg.), *Handbook of Historical Animal Studies*, Berlin 2021.

² Samiparna Samanta, *Cruelty Contested. The British, Bengalis, and Animals in Colonial Bengal, 1850–1920*, Florida State University, PhD thesis, 2012.

В первой главе Саманта рассматривает, как менялось отношение к животным вследствие колониализма. Сперва она изучает, как в Бомбее колониальными властями целенаправленно умерщвлялись уличные собаки: несмотря на то, что британцы старались преподнести любовь к животным как чисто британскую черту, до 1857 года – т.е. до усиления британского господства – совесть не мешала им отдавать распоряжения об убийстве собак на улицах. Однако и индуизм не обязательно предполагал любовь к животным – скорее, в нем была строгая иерархия живых существ (несмотря на то, что в последние годы XIX века росло число людей, критиковавших кастовую систему и тем самым ставивших такую иерархию под сомнение). Саманта не только знакомит читателя с тем, как по-разному смотрели на животных британцы и бенгальцы, но и показывает, что они сотрудничали, – а именно, в основанном в 1861 году Калькуттском обществе: в то время как для британских покровителей этого общества речь здесь шла, прежде всего, о цивилизующей миссии, бенгальцы утверждали, что они заботились о благополучии животных, и ссылались при этом на закрепленную будто бы в самих ведах заповедь ненасилия – принцип ахимсы (в дальнейшем Саманта показывает, что эта заповедь была чрезвычайно амбивалентна). Обе группы, однако, сходились в едином стремлении дисциплинировать нижние слои колониального бенгальского общества. У бенгальских литераторов той эпохи также не было единой позиции по вопросу о благополучии животных: например, в детской литературе часто встречались антропоморфные персонажи в образе животных, но, с другой стороны, такие рассказы часто заканчивались смертью животного. Что касается среднего класса бенгальского общества, то там все более явно ориентировались на западную естественную науку, а не на принцип ахимсы.

Во второй главе автор исследует развитие ветеринарии в колониальной Бенгалии. Решающую роль в нем сыграла эпидемия чумы крупного рогатого скота, впервые свирепствовавшая в 1850-х годах, в ходе которой в Бенгалии погибло 90 процентов крупного рогатого скота. Поскольку крупный рогатый скот был жизненно важен для колониальной экономики, внимание колониальных властей было, главным образом, направлено на болезни животных и на то, как с ними бороться. Тогда как местные крестьяне смотрели на эту чуму как на завезенную болезнь, распространению которой способствовали рынки крупного рогатого скота и сельскохозяйственные выставки, колониальные власти не признавали свою ответственность и вместо этого констатировали, что в колониальной Индии не была достаточно развита ни гигиена, ни наука. Вместе с тем, как несколько противоречиво доказывает Саманта, колониальные власти преподносили эту чуму как охватывавшую весь мир пандемию, тогда как бенгальские крестьяне называли ее по-разному на своих наречиях. Колониальные чиновники же, напротив, не доверяли местной терминологии и местным практикам целительства и боролись с чумой посредством вакцинаций и карантина. В это же время появляются первые ветеринарные школы и ветеринарные больницы. Поскольку люди, избравшие профессию ветеринара, сначала не пользовались большим авторитетом, для них было важно отмежеваться от местных «коровых» целителей, го-дагов (англ.: *Go-Dagas*). Поначалу эта профессия привлекала только выходцев из смешанных британско-индийских семей или брахманов, но вскоре – и представителей других каст. И все же го-даги продолжали практиковать – против этого выступали индийские научные ассоциации, требовавшие более суровых мер со стороны местных властей. В понимании Саманты возникновение ветеринарии в Индии было, таким образом, процессом вытеснения «местного» знания.

В третьей главе рассматриваются дебаты о скотобойнях и потреблении мяса. Как уже установлено историками (например, Мриналини Синхой³), колониальный дискурс легитимировал британское господство в Индии якобы нехваткой мужественности у отказывавшихся от мяса и евших рис бенгальцев. Так как британцы в Индии потребляли много мяса, вскоре стали раздаваться требования создать общественные скотобойни – такие же, как и в Европе и Северной Америке, для урбанизации которых они имели большое значение. Это сопровождалось дисквалификацией местных – прежде всего, мусульманских – практик убоя скота. Критике подвергались также места, где мясо приносили в жертву индуистской богине Кали. Такие объединения как Калькуттское общество требовали новых, якобы более гуманных практик убоя скота. Правда, многие забойщики скота скоро стали избегать новой скотобойни в Калькутте, поскольку там им больше не позволяли нелегально торговать шкурами животных, и стали создавать нелегальные бойни на окраине города. Вместе с этим, как аргументированно показывает Саманта, менялось и отношение местного населения к потреблению мяса. Тогда как еще в середине XIX века бенгальские авторы рекомендовали увеличить потребление животного белка, в конце века они все больше стали вставать на сторону питания без употребления мяса, что можно объяснить частично религиозными верованиями, частично представлением, что с потреблением мяса якобы растет тяга к насилию. При этом все более важным для авторов становилось ссылаться на западное знание, которое производили те же британские ассоциации, «специализировавшиеся» на вегетарианстве. Так же и здесь дело кончилось – при весьма активном участии верхнего слоя бенгальского общества (англ.: *bhadralok*) – тем, что были вытеснены местные представления, по логике которых отказ от потребления мяса был аргументирован заповедью ненасилия.

В четвертой главе Саманта изучает дискуссии об обращении с вьючными животными, снова констатируя при этом, что то, как с ними обращались разные слои общества, отражало существовавшую классовую иерархию. Тогда как лошади, в силу природных условий в Индии, осложнявших их содержание, были доступны исключительно британцам и представителям высшего слоя общества, быки и волы были распространенными вьючными животными, которые ассоциировались с людьми низших каст. Так, запряженные лошадьми повозки означали престиж, а если в упряжке шли волы – напротив, низкий авторитет в обществе. Из всех этих транспортных средств британские колониальные власти извлекали прибыль: обложили их владельцев налогами и взымали с них поборы. Однако последние зачастую уклонялись от таких сборов. Если такие организации, как Калькуттское общество, все больше выступали в защиту вьючных животных, часто именно извозчики несли из-за этого финансовые убытки, ведь именно на их плечи сваливались штрафы за то, что их вьючные животные получали ранения из-за чрезмерной нагрузки. В дискуссиях о защите вьючных животных редко речь шла в первую очередь об их благополучии. Вместо этого, регулируя животных, пытались регулировать людей. В конце концов, британцы (так же, как и в дискуссиях об общественном положении индийских женщин) позиционировали себя в вопросах защиты животных в Индии как «единственных, кто заботится и любит животных» (с. 238), – позиция, которая раскрывала их притязания на цивилизующую миссию.

Своей работой Самипарна Саманта вносит важный вклад в изучение истории колониализма, а также в исследования отношений человека и животных. Ее труд примыкает к международным исследованиям в этой области, а в основе его лежит большой корпус

³ Mrinalini Sinha, *Colonial Masculinity. The 'Manly Englishman' and the 'Effeminate Bengali' in the Late Nineteenth Century*, Manchester 1995.

источников, в том числе бенгальские тексты, которые частично впервые анализируются в англоязычной научной среде. Автор преуспевает в том, чтобы подчеркнуть центральное место дебатов о благополучии животных в колониальной цивилизующей миссии. При этом она обращает внимание на то, что в этих дискуссиях были задействованы как британцы, так и индийцы, и что обе эти группы ни в коем случае не были гомогенны. Также в ее исследовании представлены различные взгляды на животных в индуизме, в соответствии с которыми, жизнь одних животных значила совсем немного, тогда как другие животные (прежде всего, коровы) имели чрезвычайно высокий статус, – Саманта подчеркивает взаимодействие между этой «животной» иерархией и иерархией кастовой системы.

В то же время в ее исследовании присутствует ряд недочетов. Прежде всего, автор в своей работе не затрагивает такую в то время вирулентную тему как защита коров, хотя в ней, помимо прочего, и идет речь о крупном рогатом скоте. В последние годы XIX века на всем субконтиненте возникали объединения, целью которых была защита коровы, которую зарождавшийся в то же время индуистский национализм возвысил до символа будущей нации⁴. Дебаты вокруг защиты коров были окрашены в антиколониальные, но также и в антимусульманские тона, и дело не ограничивалось дебатами: в случаях, когда происходили расправы над якобы врагами коровы, убивались люди – главным образом, мусульмане. Было бы интересно узнать, как Калькуттское общество, членами которого были и мусульмане, позиционировало себя в таких дебатах и что думало по поводу таких бесчинств. Наконец, хотя Саманта и подчеркивает, что распространенное в Британии вегетарианство оказывало существенное влияние на схожие дискуссии в колониальной Индии, она не указывает на то важное обстоятельство, что «вегетарианское» знание массивно циркулировало и из Индии в Европу.

С другой стороны, выбранная Самантой тема сложна, и ей можно посвятить более, чем одно исследование. Поэтому ученым, занимающимся изучением Южной Азии, исследованиями отношений человека и животных, а также историкам в области Новой и Новейшей истории книга Саманты чрезвычайно рекомендуется к прочтению.

Перевод с немецкого: Елена Брагина (Elena Bragina)
Редакция перевода: Кирилл Левинсон (Kirill Levinson)

⁴ Sandria B. Freitag, Sacred Symbol as Mobilizing Ideology. The North Indian Search for a „Hindu“ Community, in: Comparative Studies in Society and History 22 (1980), S. 597–625; Gyanendra Pandey, Rallying Around the Cow. Sectarian Strife in the Bhojpuri Region, c.1888–1917, in: Ranajit Guha (Hrsg.), Subaltern Studies II. Writings on South Asian History and Society, Delhi 1983, S. 60–129; Shabnum Tejani, Cow Protection, Hindu Identity and the Politics of Hurt in India, c.1890–2019, in: Emotions: History, Culture, Society 3 (2019), S. 136–157.

Erstveröffentlichung der Rezension in deutscher Sprache auf H-Soz-Kult am 02.05.2023:
Публикация рецензии на немецком языке на H-Soz-Kult от 02 мая 2023 г.:

Stephan Merl: Rezension zu: *Schönfelder, Timm: Roter Fluss auf Schwarzer Erde. Der Kuban und der agromeliorative Komplex: Eine sowjetische Umwelt- und Technikgeschichte, 1929–1991. Paderborn 2022. ISBN 9783506795199, In: H-Soz-Kult, 02.05.2023*
<https://www.hsozkult.de/searching/id/reb-131118>

Schönfelder, Timm: Roter Fluss auf Schwarzer Erde. Der Kuban und der agromeliorative Komplex: Eine sowjetische Umwelt- und Technikgeschichte, 1929–1991. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2022. – 324 S. – ISBN: 978-3-506-79519-9

Шёнфельдер, Тимм: Красная река на черной земле. Кубань и агромелиоративный комплекс: из истории окружающей среды и техники в СССР (1929-1991). Падерборн, 2022. – 324 с. – ISBN: 978-3-506-79519-9

Rezensent: Stephan Merl, Fakultät für Geschichtswissenschaft, Philosophie und Theologie, Universität Bielefeld

Рецензент: Штефан Мерль, факультет истории, философии и теологии, Билефельдский университет

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00067>

Еще Александр Богданов в своем утопическом романе «Красная звезда» дал понять, какой потенциал могли бы иметь ирригационные проекты и изменение направления рек для аграрного хозяйства, чьи плодородные почвы страдали от засухи. В предыдущих исследованиях рассматривалась, прежде всего, Центральная Азия, а также подчеркивалась непрерывность таких проектов, начиная с царской России¹. Судя по заглавию работы Тимма Шёнфельдера, изданной в рамках специального научного проекта «Исчезающие социальные системы» в Тюбингенском университете, можно, таким образом, ожидать, что будет заполнен этот пробел в исследованиях, а также что читатель получит представление об ирригационных работах, которые были начаты в Предкавказье преимущественно сразу после смерти Сталина и проводились «с открытыми глазами» (с. 61) специалистами, знавшими об их возможном вреде (засоление почвы, эрозия, избыточное увлажнение) и о потенциальных решениях. Как известно, вредоносные последствия вновь не заставили себя ждать. В конце 1980-х годов ввиду все возрастающей критики ирригационных проектов работы были остановлены.

¹ Christian Teichmann, *Macht der Unordnung. Stalins Herrschaft in Zentralasien*, Hamburg 2016; Julia Obertreis, *Imperial Desert Dreams. Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991*, Göttingen 2017.

Читатель, ожидающий увидеть исследовательский труд, посвященный конкретным регионам, в котором подробно описывается, почему все же пренебрегали системами дренажа и неэкономно обращались с водой, будет разочарован. Снова и снова Шёнфельдер отходит от региональных позиций и рассматривает ирригационные проекты в целом. Выводы, которые он делает в заключении, соотносятся только с представленными во вводной главе концепциями и не учитывают интересные результаты, полученные в главах 3-6. Таким образом выявляются два ключевых недостатка работы: во-первых, Шёнфельдеру не хватает рефлексии о методологии исследования (если конкретно, то как вообще можно получать достоверные данные, обрабатывая материалы советских архивов), и, во-вторых, он все время реферирует информацию, нигде не приводя собственные оценки данных.

Шёнфельдер критикует то, что авторы, ранее занимавшиеся этой темой, работали только с «общедоступным материалом» (с. 1). Но даже и содержание архивного материала не выходит за рамки того, о чем и как было дозволено говорить, и соблюдает определенные табу. Авторы документов, играя по правилам системы, преследовали собственные интересы. Доверяясь их обвинениям, Шёнфельдер воспроизводит трактовки, которые были угодны режиму, чтобы возложить ответственность на нижестоящие органы (в данном случае – на Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР).

Научный труд Шёнфельдера претендует на то, чтобы, основываясь на эмпирических данных, способствовать более глубокому пониманию советской аграрной системы, а также осветить центральные «идиосинкразии» господствующей культуры. В первой главе под названием «Природа: взгляд на Кубань сквозь призму истории окружающей среды» (с. 1-32) он разъясняет степень изученности вопроса и представляет вниманию читателя понятия «господство» и «ирригация» без приложения их конкретно к Кубани. Во второй главе «Пространство: от топи к житнице, степям и оазисам» (с. 33-54) читатель видит Кубань двух последних столетий. Глава перегружена данными, в ней автор также постоянно «скачет» по времени и содержанию. Только третья глава удобочитаема и четче сфокусирована: «Центральная власть: от Мировой войны к водному хозяйству» (с. 55-136). В ней автор обрисовывает, насколько возросло значение мелиорации после Второй мировой войны, – после того, как до этого на первом плане стояло производство гидроэнергии. Институционально водное хозяйство окончательно упрочило свое положение с созданием при Леониде Брежневе в 1965 году самостоятельного Министерства мелиорации и водного хозяйства. Глава 4 «Практики на периферии: мелиорация в Краснодаре и Ставрополе» (с. 137-188) посвящена местным составляющим созданной системы: так, в Краснодаре речь шла, прежде всего, о защите от наводнений, тогда как в Ставрополе – о базовом обеспечении водой. Шёнфельдер также касается споров между партийным руководством в обоих регионах. В главе 5 «Знание: мелиорация между теорией и обетованием» (с. 189-215) рассматривается, как обращались с научными открытиями в области почвоведения, а также дискуссии ученых о том, как правильно действовать в вопросах ирригации. В главе 6 «Дистопия: реформы – разрозненные и однозначные» (с. 217-264) реферативно представлены решения, предусматривавшие изменения 1980-х годов, а также все возрастающая критика гидротехнического строительства – представлены без достаточного учета того факта, что большинство этих решений не были претворены в жизнь. Недовольство вызывает глава 7 «Ко второму миллиону: вывод и перспективы» (с. 265-270): в ней краткими предложениями автор излагает аподиктические утверждения.

Во вводной главе Шёнфельдер обозначает, что он будет рассматривать далее. При этом он ни предпринимает попытку операционализации [понятий – *прим. пер.*], ни формулирует исследовательские вопросы. И тем не менее, какая из представленных концепций подходит для все-таки печальной реальности советского общества после смерти

Сталина? Шёнфельдер разве что ссылается на концепцию «гидравлического общества» Карла Аугуста Виттфольгеля. Все же сталинским амбициям больше соответствует *высокий модернизм* Джеймса Скотта, который, уповая на научно-технический прогресс, стремится к полному контролю над природой. В утверждении Шёнфельдера, что инфраструктуры были инструментами и источниками власти, заставляет усомниться все его дальнейшее повествование. Например, он говорит о каналах как о «длинных руках государства, которые тянутся в каждую деревню, чтобы сделать ее частью современного общества» (с. 26 и следующая). Однако в главах 3 и 4 он описывает фиаско государства и системы – фиаско, которое тянулось в каждую деревню и препятствовало тому, чтобы она стала частью современного общества. И действительно, так ли уж необходим был дополнительный контроль над ирригационными структурами после того, как Сталин основал эффективно функционирующую систему опеки аграрного сектора?

Шёнфельдер видит гидростроителей с их «грандиозными обещаниями» главными виновными в том, что не удались ирригационные работы, и утверждает, что они целенаправленно вводили в заблуждение советское общество. В подтверждение своего тезиса, что «с помощью средств гидроинфраструктуры класс экспертов-гидротехников эксплуатировал население и упрочивал собственную власть» (с. 11), он ссылается на Юлию Обертрайс и Клауса Геству². Но правда ли увеличивающаяся в размерах ирригационная площадь была для мелиораторов «золотой жилой»? Это еще не доказывается тем фактом, что Министерство мелиорации и водного хозяйства в 1965 году контролировало «26 научно-технических и 68 институтов по планированию и более 4000 строительных организаций и трестов с 1,7 миллионами рабочих, инженеров и ученых», а также распоряжалось бюджетными средствами, равными тем, которые отпускались на здравоохранение в масштабах всей страны (с. 13). Такая обвинительная позиция неубедительна также и потому, что со времен Брежнева огромные средства тратились без существенного экономического эффекта отнюдь не только на строительство ирригационных сооружений. Так, в течение трех десятилетий сравнимые по объемам финансовые потоки текли на «комплексную механизацию аграрной продукции», и там вплоть до конца Советского Союза тоже не удалось приблизиться к поставленной цели. Таким образом, причины не могли быть только в гидротехническом строительстве – скорее, объяснение нужно искать в слабостях экономического и политического режима. Для этого Шёнфельдер предоставляет вполне конкретные исходные данные.

Автор доказывает на основании документов, что в Советском Союзе не производились ни дождевальные машины, ни необходимый для дренажа строительный материал (ср. с. 127, 149, 156, 176, 191, 240, 258). Евгений Алексеевский, министр мелиорации и водного хозяйства, возмущался тем, что его отрасль недоснабжалась. Предъявив свое требование перейти к используемому на Западе капельному орошению, он в 1973 году получил от премьер-министра Алексея Косыгина от ворот поворот: было сказано, что ввиду дороговизны Советский Союз не может импортировать необходимое высокоэффективное оборудование (с. 116, ср. также с. 92, 113 и следующую). Дождевальные машины, построенные в СССР по зарубежным образцам, были плохого качества и не выдерживали никакого сравнения с американскими оригиналами (с. 242). Известный экономист, специалист по сельскому хозяйству Александр Никонов резюмировал, что для фазы застоя не было ничего более характерного, чем неудавшаяся

² Julia Obertreis, Infrastrukturen im Sozialismus, in: Saeculum 58 (2007), S. 151-182; Klaus Gestwa, Die Stalinschen Großbauten des Kommunismus. Sowjetische Technik- und Umweltgeschichte, 1948–1967, München 2010.

попытка ученых инициировать «зеленую революцию»: их предложения по ее осуществлению потерпели крах из-за того, что система плановой экономики была не в состоянии обеспечить в комплексе необходимые факторы производства. Всегда чего-то не хватало: то необходимых удобрений или химических средств защиты растений, то нужной техники (с. 107 и следующая). Поэтому не представляется достоверным противоречие между почвоведом и гидростроителем, на котором настаивает Шёнфельдер: годовые отчеты гидростроителей показывают, что обе группы сходились и в своем диагнозе (угроза эрозии почвы), и в предлагаемом решении (дренаж). Однако их взгляды на то, кто в этом виноват, расходились: тогда как почвоведы считали, что ответственность лежит на мелиораторах, гидростроители указывали «твердо на перебои в снабжении в других отраслях экономики, таких как тяжелая промышленность, а также на нехватку координации из центра со стороны министерств» (с. 201). Представленный Шёнфельдером материал доказывает, что они были правы! Но автор ни разу не задается вопросом, было ли вообще реально претворить в жизнь решения партии, – он присоединяется к позиции партии и правительства, которые объявляли нижестоящие органы ответственными за свои ошибки.

Шёнфельдер претендует на то, чтобы ввести в научный оборот новое важное понятие – «агромелиоративный комплекс» (АМК), представляющий собой, по его мысли, соединение ирригационной промышленности, науки и номенклатуры (с. 6 и следующая). Это напрямую подводит нас к его главному заблуждению. Он пытается убедить читателя, что АМК был чем-то схожим с «военно-промышленным комплексом» (ВПК) и что он тесно сотрудничал с промышленностью. При этом он в корне неверно понимает механизмы функционирования советской системы. Понятие АМК и более общее понятие «аграрно-промышленный комплекс» (АПК) использовались лишь чтобы создать видимость того, что Советский Союз вплоть до своего конца так никогда и не смог обеспечить: прямую связь на современном техническом уровне между аграрным сектором и промышленностью, производящей оборудование для него и перерабатывающей его продукцию. В конце концов обоим этим комплексам приходилось покупать у промышленности те выпущенные ею бракованное оборудование и материалы, которые ни в коей мере не соответствовали предъявляемым к ним требованиям. Жалобы, подаваемые в этой связи, в том числе генеральному секретарю партии, так и оставались нерассмотренными. Все это, тем не менее, не помешало режиму заклеить позором гидростроителей, т.к. им не удалось достичь обещанных выдающихся результатов. Когда Шёнфельдер удивляется тому, что даже суровая критика в адрес Министерства мелиорации и водного хозяйства и соответствующего министра ни к чему не привела (ср. среди прочего с. 99 и следующую, 106, 110 и следующую, 232), это говорит о том, как мало он понимает правила игры в политической коммуникации советского режима. При этом ведь очевидно, почему власти действовали таким образом: управляющие органы, выступавшие с критикой, прекрасно отдавали себе отчет в том, что они несли собственную ответственность за имевшиеся нарушения. Так, Госплан, например, не одобрил строительство новых фабрик и не предоставил соответствующих требованиям материалов. Напротив, Шёнфельдер утверждает: «Однако узкий круг фаворитов разросся в гипертрофированный бюрократический аппарат, который опирался сам на себя» (с. 266). Несмотря на то, что со времен Брежнева во все три вышеназванных комплекса вливалось много денег, были существенные различия. Только ВПК удалось развить в ограниченной мере свои «пробивные» способности по отношению к центральным регулирующим инстанциям. Кстати: после того, как в 2000-е годы аграрные предприятия получили доступ к сельскохозяйственной технике современного западного образца и право самостоятельно

распоряжаться бюджетными инвестициями, в российском сельском хозяйстве наблюдается взрывной рост урожайности!

Обоснованно критикует Шёнфельдер постоянные изменения, касавшиеся полномочий тех или иных институций. Выведение гидротехнического строительства из сферы компетенции Министерства сельского хозяйства было контрпродуктивно для сельскохозяйственной продукции (с. 93-105). Режим считал, что вопрос был только в том, чтобы правильно организовать контроль, и «решал» проблемы за счет того, что создавал все новые инстанции с отдельными полномочиями. Корректно Шёнфельдер называет и негативные последствия таких проектов: они поглощали средства, которых не хватало где-то в другом месте, становились дороже и затягивались, а также были разрушительными для окружающей среды из-за того, что приводили к засолению почвы, перенасыщению ее влагой и гибели рыбы (с. 266). Однако его утверждение: «Чтобы скрыть нанесенный урон, подделывались цифры и приукрашивались экспертные отчеты. Это была система, в которой „все поддерживали всех“, в которой личные одолжения стояли выше пользы для сельского хозяйства и социума» (с. 267) верно лишь на первый взгляд. Ввиду отсутствия поставок у гидростроителей не было иного выбора: таким образом, и они вносили свой «вклад» в поддержание красивой иллюзии. В конечном счете, выиграло от этого только партийное руководство: проекты в гидротехническом строительстве служили ему, прежде всего, именно для самооправдания. В этом отношении Министерство мелиорации и водного хозяйства действовало только как «исполнитель работ» с ограниченной сферой влияния, но уж точно не как главный злодей, под которого его стилизует Шёнфельдер. Партийные руководители вплоть до Михаила Горбачева прямо-таки требовали все новых и новых грандиозных планов, чтобы втереть очки населению, будто они работают над исполнением своего обещания окончательно решить «аграрный вопрос» (обеспечение продуктами питания).

Удивительно, что Шёнфельдер нигде не принимает в расчет те возможности, которые могли бы иметь мелиорационные проекты, будь они реализованы надлежащим образом. Он не разделяет их на целесообразные и бессмысленные. Именно в условиях Советского Союза мелиорация была в принципе целесообразным и положительным решением. Утверждения автора в заключении работы, мягко говоря, как минимум сильно односторонни. Все же Советский Союз не был ни «государством гидротехнического строительства», ни «площадкой для игр мелиораторов» (с. 266). Из того, что Брежнев протезировал Медунова, а Андропов – Горбачева, еще не следует, что «мафиозные группировки гидростроителей скрепляли между собой центр и периферию» (с. 266).

В главах 3-6 автор кратко излагает то, что ему удалось найти в литературе – большей частью очень тщательно изученной – и архивном материале. Тот, кто интересуется новыми данными по Советскому Союзу после смерти Сталина, должен основательно проштудировать эти главы и сформировать собственное мнение. Однако для того, чтобы сделать данную работу заслуживающим внимания исследованием, автору не хватает рассуждений по методологии и смелости выносить собственные суждения.

Перевод с немецкого: Елена Брагина (Elena Bragina)
Редакция перевода: Кирилл Левинсон (Kirill Levinson)

Erstveröffentlichung der Rezension in deutscher Sprache auf H-Soz-Kult am 09.03.2023:
Публикация рецензии на немецком языке на H-Soz-Kult от 09 марта 2023 г.:

Stephen Milder: Rezension zu: *Uekötter, Frank: Atomare Demokratie. Eine Geschichte der Kernenergie in Deutschland. Stuttgart 2022. ISBN 9783515132572*, In: H-Soz-Kult, 09.03.2023
<https://www.hsozkult.de/review/id/reb-128456>

Uekötter, Frank: Atomare Demokratie. Eine Geschichte der Kernenergie in Deutschland. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2022. – 380 S. – ISBN: 978-3-515-13257-2

Икёттер, Франк: Атомная демократия: история ядерной энергии в Германии. Штутгарт, 2022. – 380 с. – ISBN: 978-3-515-13257-2

Rezensent: Stephen Milder, Department of European Languages and Cultures, Rijksuniversiteit Groningen
/ Rachel Carson Center for Environment and Society, München

Рецензент: Стивен Майлдер, факультет европейских языков и культур, Гронингский университет
/ Центр окружающей среды и общества им. Рэйчел Карсон, Мюнхен

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00063>

Интересоваться атомной энергией – темой своей последней монографии – Франк Икёттер, впечатляюще плодовитый историк окружающей среды, начал во время учебы в школе. В 1980-е годы на юношу произвели большое впечатление как плакат, рассказывавший о преимуществах ядерной энергии, так и критически окрашенные разговоры с его учителем физики на эту тему. Следы этих споров отчетливо видны в том подходе, который он использовал в своей опубликованной в 2022 году книге «Атомная демократия». Ведь в понимании Икёттера «ядерная полемика в ФРГ» – это «дискурсивный проект, в рамках которого разговаривали друг с другом люди разных взглядов, усилиями которых тем самым был инициирован учебный процесс для всего общества» (с. 101). Главным образом на такую интерпретацию опирается автор, утверждая, что этот дискурсивный проект представлял собой «историю успеха демократии как процесса переговоров в ФРГ» (с. 10). И здесь в игру снова вступают споры гимназиста и учителя физики, ведь такие «микропроцессы» стали «решающим козырем» демократии в ФРГ, который в конце концов предотвратил эскалацию конфликтов, возникавших в связи с протестными акциями, ядерными рисками, исследовательскими проектами и строительными планами в этой области» (ebd.). Другими словами, это был совместно выработанный, трезвый подход, который стал характерным признаком истории атомной энергетики ФРГ.

Хотя Икёттер и выделяет эти микропроцессы, в книге он большей частью уделяет внимание полемике вокруг атомной энергетики в ФРГ (т.н. атомной полемике – прим. пер.) в целом. Хронологически он строит свое повествование начиная с послевоенных лет, когда

начали проводиться исследования в области ядерной физики, и доводит его до 31 декабря 2022 года – даты, на которую было запланировано (и к моменту публикации книги еще законодательно закреплено) закрытие атомных электростанций в Германии и тем самым должен был быть реализован отказ от ядерной энергетики. Книга охватывает широкий спектр акторов: речь идет об исследователях, энергетических концернах, политиках и не в последнюю очередь – об антиядерных демонстрантах. Даже если в некоторых из этих группировок доминировали мужчины, почти полное отсутствие женщин-акторов заставляет о многом задуматься – не в последнюю очередь о гендерных ролях и значении половой принадлежности участников атомной полемики в ФРГ для исхода этих дебатов. Несмотря на это, широкий охват повествования несомненно является сильной стороной книги. И без того пышную историографию атомной полемики обогащает дополнительный экскурс в историю технических разработок в сфере атомной энергетики и в политические дебаты вокруг применения соответствующих технологий.

Хоть повествование Икёттера и охватывает продолжительный период времени, его хорошо можно разделить на три хронологических блока, которые соотносятся с тремя различными формами «атомной» демократии. Первая часть длится вплоть до 1960-х годов. В то время еще не было атомных электростанций, которые бы производили электроэнергию в коммерческих целях, поэтому «история атомной энергетики ФРГ вращалась прежде всего вокруг исследований, разработок и разного рода планов» (с. 102). Для Икёттера это было время «ядерных лидеров» (с. 95), т.е. мужчин, руководивших исследовательскими проектами или занимавших руководящие посты в крупных энергетических концернах, благодаря которым ядерный проект обрел свою форму. Для Икёттера эти мужчины и их вклад в исследования атомной энергии представляют собой характерную особенность послевоенной ФРГ: «Их жизнью была трудовая этика, этика высоких достижений, доминировавшая в годы немецкого экономического чуда, сопряженная с убеждением, что для возрождения из руин требуется особенно напрячь свои силы» (с. 96). Именно усилиями этих одиночек, по Икёттеру, и сформировалась «атомная» демократия послевоенных лет. Ведь сама по себе демократия была не чем иным как своего рода джунглями, которые только потому не привели к «тотальной блокаде» политики в сфере атомной энергетики, что «снова и снова находились мужчины, которые представляли себе, как действовать» (с. 90).

Во второй части исследования Икёттера спектр акторов, которые были задействованы в атомном проекте ФРГ, расширяется. Таким образом атомная энергия только в 1970-е годы стала «проблемой демократии» (с. 44). С одной стороны, тогда только начинается строительство атомных электростанций. Между 1970-м и 1972-м годами – еще до нефтяного кризиса – начали строить семь ядерных реакторов. Не в последнюю очередь вследствие такого строительного бума вторая половина 1970-х годов ознаменовалась несколькими крупными протестными акциями, которые прошли как на самих местах строительства реакторов, так и в непосредственной близости от них. Однако в это десятилетие были также споры и дискуссии, проходившие вдали от территорий будущих АЭС, – на тему использования атомной энергии и «атомного» будущего ФРГ. По ряду разных причин и ввиду широкого спектра задействованных участников и участниц можно сказать, что на 1970-е годы пришелся расцвет федерального дискурсивного проекта под названием «Атомная энергия». Эти дискуссии для Икёттера и есть не что иное как собственно «атомная» демократия. Он описывает их как «мельницы», которые «измельчали ядерную полемику политически удобоваримым образом» (с. 298).

Активность 1970-х годов сменилась «своего рода квалифицированным затишьем» (с. 46) в 1980-е, которые, однако, имели большое значение для отказа ФРГ от использования ядерной энергии. Ведь, как Икёттер разъясняет на примере, прежде всего, развития атомной

техники, вследствие такого затишья постепенно образовалась нехватка высококвалифицированных инженеров и кадров со средним специальным образованием. Вместе с тем, 1980-е и 1990-е годы описаны как время, когда стороны спора упрочили свое положение и когда культура демократического обсуждения проблемы атомной энергии стала подходить к концу. Вплоть до второй половины 1990-х годов просто «все, относящееся к теме, уже давно было сказано» (с. 251). Икёттер интерпретирует прекращение обсуждения этой темы как часть трансформации «атомной» демократии, которая привела к политике идентичности. Несмотря на то, что среди широкой общественности вопросы, связанные с атомной энергией, предметно обсуждались все реже, в конце 1990-х годов представителям кабинета Шредера и крупных энергетических концернов, которые были готовы к дискуссии, удалось добиться принятия решения об отказе от использования атомной энергии – событие, которое Икёттер считает высочайшим достижением переговорной демократии ФРГ. В этой последней фазе атомной полемики возникли, таким образом, трения между, с одной стороны, общественной «атомной демократией» – переговорами высокопоставленных политиков, и представителями энергетических концернов – с другой.

Попытку Икёттера написать историю атомной полемики, представлявшей собой «взаимодействие инвестиций, инноваций и интервенций, которое придавало «атомному» конфликту в ФРГ особое значение» (с. 100), можно считать более чем удавшейся. Книга написана в характерном для автора стиле повествования – освещает разные грани предмета исследования, но при этом легко читается. Будучи синтетическим произведением, которое сводит воедино так много аспектов, но при этом не упускает из виду общую картину, «Атомная демократия» вносит значимый вклад в историю ядерной энергии в Германии.

В качестве же исследования истории демократии книга, тем не менее, оставляет много вопросов открытыми. К сожалению, почти не остается места, чтобы осветить микропроцессы, которые имеют такое важное значение для его тезиса об удавшейся «атомной» демократии. В «Историографическом эпилоге», добавленном в конце книги, Икёттер подвергает достаточно резкой критике вид «узкоспециализированных исследований, изобилующих историческими источниками» (с. 307), которые могут объяснить и интерпретировать такие микропроцессы. Вместо того, чтобы вгрызаться в «атомную» демократию с целью точнее представить читателю изменения, которые она претерпевала, и ее характерные черты, Икёттер использует ряд различных метафор, описывающих «организм демократии ФРГ» (с. 298) как особую сущность. Такая метафорика подкрепляет аргументы Икёттера в пользу теории, что из атомной полемики демократия, по сути, вышла победительницей. В то же время она является доказательством того, что автор склонен видеть в людях, которые беспокоились из-за рисков, сопряженных с разработкой и использованием ядерной энергии (т.е. в антиядерном движении), стороннюю величину, которая не могла зародиться в демократической среде ФРГ. Так же и «ядерные лидеры» 1960-х годов не были для него создателями демократии, а только следопытами, блуждавшими в джунглях демократии. Вопрос же о том, что, собственно, двигало вперед «атомную» демократию и почему она с течением времени так существенно менялась, он оставляет открытым.

Перевод с немецкого: Елена Брагина (Elena Bragina)
Редакция перевода: Кирилл Левинсон (Kirill Levinson)